

Annotation

Продолжение истории Лизы. Пока без аннотации)

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 1

Помнится, я мечтала расстаться с вконец опостылевшей гимназической формой и носить что-нибудь не столь типовое и элегантное? Мои мечты исполнились только в первой части. Собственно, сложно выдерживать элегантность, подбирая одежду среди поношенной. Можно было сколь угодно успокаивать себя, что всего лишь пытаюсь соответствовать

выбранному образу, но на деле мне просто катастрофически не хватало денег. Свою одежду я взять не могла – она бы меня непременно выдала, да и если бы не выдала, даме в возрасте девичья одежда не подходила ни по фасонам, ни по цветам. А значит, траты на одежду были неизбежными. На одежду и большой саквояж. Эх, нужно было аванс просить с Мэннинг. Не факт, что она его дала бы, конечно...

Я вздохнула и с новой силой принялась сбивать цену. На самом деле, торговец куда сильнее хотел отделаться от выбранных мной вещей, чем я их купить. Он это чувствовал, поэтому неохотно, но шёл на уступки, но так медленно, что нам обоим грозило состариться раньше, чем прийти к компромиссу.

– Сударыня, эту горжетку носила жена генерала, а вы хотите, чтобы я вам её подарил, – укорил торговец, тряся упомянутой горжеткой у меня перед носом.

Иллюзия действовала на отлично, и пока мой собеседник ни на миг не усомнился, что видит перед собой взрослую даму, а не юную барышню. Не очень обеспеченную даму, желающую прилично выглядеть. Поэтому меха, даже такие потёртые, мне были жизненно необходимы: без них выбранное пальто выглядело совсем уныло. Конечно, я не должна затмевать мисс Мэннинг, но с такими мехами я не затмлю даже Грызельду, не говоря уж об оперной диве.

– Если и носила, то когда её муж был ещё лейтенантом, – парировала я, с трудом удерживаясь от чихания.

Надеюсь, эта мелкая взвесь непонятных частиц с горжетки – пыль или порошок от насекомых, а не следы пиршества моли. В последнем случае

при сильном встряхивании с горжетки посыпется уже не только пыль, но и шерсть.

– Зачем нам везти меха из-за границы, если у нас свои прекрасные?

– Из-за границы?

– А где вы у нас найдёте лейтенанта? – столь же удивлённо ответил торговец. – Разве что на флоте, но тогда он дослужился бы до адмирала.

Нет, сударыня, меха что ни на есть действительной генеральши. Настоящий сибирский песец, с таким в любом обществе не стыдно показаться. Даже к вечернему платью подойдёт. Берёте?

С настоящим сибирским песцом мне и без того придётся показываться в обществе. Точнее, не мне, а мисс Мэннинг, а я иду в качестве оплачиваемого приложения. Но увы, того песца к пальто не приложишь, пусть он и идёт бесплатно, а этот выглядит куда хуже.

– За такую цену я могу купить новые меха.

– Сударыня... – укоризны в голосе торговца хватило бы на целый торговый центр. – Эти меха почти новые и я отдаю их вам почти даром. Просто компенсирую хранение.

– В банковской ячейке в течение ста лет? Не очень-то они и сохранились. Наверное, условия были неподходящими.

Похоже, мы оказались в патовой ситуации: не желали уступить ни он, ни я. Я – потому что хоть меха мне были нужны и эти здесь были самыми приличными, не могла позволить себе расстаться с запрашиваемой суммой. Торговец – из чистой вредности или, как вариант, из профессиональной гордости, не желая признавать моё первенство в торговле. А ведь вещи я уже выбрала и забрала бы хоть сейчас, но только меха придадут им нужную респектабельность. И время катастрофически уходит.

– Эх, сударыня, – вздохнул торговец. – Только ради вас. – Он вытащил из-под прилавка муфту в комплект к горжетке. – Добавляете рубль и забираете всё. И это моё последнее слово.

Муфту я скептически повертела. Мех с неё, конечно, не осыпался, но от этого она новее не выглядела: по потёртостям было хорошо понятно, почему от неё избавились. И всё же... всё же к горжетке она подходила прекрасно, а горжетку я уже считала своей, поэтому я с тяжёлым вздохом предложила:

– Пятьдесят копеек. И забираю. По рукам?

Без денег я оставалась почти полностью. Но, как ни крути, если бы я даже не стала покупать меха, на поезд мне уже не хватило бы, а мисс

Мэннинг обещала хорошо заплатить.

– По рукам, – с облегчением выдохнул торговец и протянул руку.

За деньгами, разумеется, а не чтобы скрепить сделку уверенным мужским пожатием. С деньгами я рассталась неохотно, но быстро. Время не просто поджимало, его практически не было.

Отвод глаз я наложила при выходе из лавки, а потом побежала совершенно неприличным образом, благо никто меня сейчас не видел. В дом Владимира Викентьевича успела попасть до появления хозяина и даже в свою комнату поднялась, ни с кем не столкнувшись. Кухарка правда что-то пробормотала про гуляющие сквозняки, когда я проходила мимо, но

проверять, откуда те взялись, не стала и, думаю, минут через пять уже благополучно про них забыла.

У себя в комнате я разложила принесённые вещи на кровать и вытащила армейские учебники. Где-то в них был раздел по бытовым плетениям, а моя покупка нуждалась и в стирке, и в накрахмаливании, и в отглаживании. Как ни странно, первым мне попало плетение для ухода за мехом, его и использовала с внутренним трепетом. Этак ошибёшься совсем немного, и дальше придётся ухаживать уже за кожей без единого волоска. Права на ошибку у меня не было.

Поэтому плетение я строила особенно тщательно, а после использования даже зажмурилась, опасаясь результата. Когда открыла глаза и увидела посеревший мех, похолодела. Но это оказалась всего лишь сконцентрировавшаяся пыль которую я удачно стряхнула за окно. Мех стал поприличнее и даже заблестел, хотя новым его, конечно, никто не назвал бы.

Песец второй свежести...

Остальную одежду было обрабатывать не столь страшно; в конце концов, плетения я применяла по очереди на каждой вещичке, поэтому испортить я что-то одно, следующие останутся в целости. Но ничего не испортилось, слава богу. Или богам? Если уж считать это мир своим, то, наверное, пора следовать его правилам?

Долго раздумывать над философскими вопросами я не стала, почистила последнее – увесистый саквояж с чуть погнутым замком, который тем не менее хорошо закрывался. И в этом случае военное плетение не подвело: кожа приняла пусть не новый, но ухоженный вид, а металлические детали заблестели. Хорошенько потряся им, чтобы уж наверняка никакого мусора внутри не осталось, я заполнила его купленными вещами, оставив на завтра только длинную тёмно-синюю юбку и белую блузку с кружевным жабо, посчитав, что такая одежда переводчице подойдёт. В саквояж же полетели и книги по магии. Больше я ничего брать не собиралась.

Я едва успела забросить всё на шкаф и прикрыть отводом глаз, чтобы, не дай бог, кто-нибудь не наткнулся случайно или целенаправленно, как

горничная постучала и сообщила, что Владимир Викентьевич ждёт меня на ужин.

– Елизавета Дмитриевна, выглядите вы весьма взволнованной. Что-то случилось? – пронцательно поинтересовался он, едва я спустилась в столовую.

– Фаина Алексеевна случилась, – почти не покривила я душой.

Действительно, не устрой мне княгиня того, что устроила, я бы и не подумала о побеге до окончания гимназии. Но поскольку мне её и так окончить не дадут, будем выполнять пункты плана обходными путями.

– Ох, Фаина Алексеевна чересчур усердствует, – вздохнул Владимир Викентьевич. – Она не слушает никаких доводов. Возможно, будь вы к ней повнимательней...

– Вот ещё, – вскинулась я. – Может, мне все её желания по первому требованию выполнять? И клятву полного подчинения принести? Чтобы уж совсем, так сказать, облегчить ей жизнь. Назначила она меня, видите ли, себе в преемницы. А меня она спросила?

– В таких вопросах согласия не спрашивают, – удивлённо отвечал Владимир Викентьевич. – Это большая честь для вас, если она действительно так сказала.

– Сказала, – подтвердила я. – сегодня сказала. Только зачем оно мне?

– Сила? Власть?

– А будут ли они? Пока я вижу одни ограничения и желание княгини всё делать за меня. Увольте от такого счастья.

– Фаина Алексеевна желает вам блага, – возразил он. – Разумеется, как она это понимает. Но быть главой одного из крупнейших кланов Российской Империи не так уж и плохо, хотя, конечно, обременительно. Разумеется, вам придётся ещё многое узнать, но...

– Ах, Владимир Викентьевич, давайте поговорим о чём-нибудь другом? – взмолилась я. – От разговоров о Фаине Алексеевне у меня полностью пропадает аппетит.

Аппетит у меня полностью пропал от задуманной авантюры, но в этом признаваться по меньшей мере неблагоразумно. Владимир Викентьевич не поймёт, почему я собираюсь сбежать от силы и власти в неизвестность. Но пока мне не предлагают ни первого, ни второго, только манят их призраками, пытаюсь получить полный контроль над моей жизнью. Индейское национальное жилище вам, Ваша Светлость, а не управляемая я. Возможно, и желание выдать меня замуж поскорее за кого попало происходит из желания сделать мою личную жизнь таковой, чтобы я с

радостью посвятила себя всю чему-нибудь другому. Работе на благо клана, например.

Размышляя на эту тему, я без особого желания пережёвывала пищу, даже не обращая внимания на то, что ем. Владимир Викентьевич делился новостями Ильинска, обходя щекотливые темы. Так, об отмене концерта мисс Мэннинг не было сказано ни слова, целитель лишь посетовал на скудость культурных мероприятий в городе в этом сезоне. И об отсутствии ярких интересных статей в городских газетах. Ничего, скоро им будет о чём писать. Уверена, пропажа почти наследницы клана не пройдёт незамеченной. Это куда интересней дуэли поручика с подпоручиком из-за

несуществующей невесты. То есть нельзя, конечно, сказать, что несуществующей, но однозначно – не невесты.

Утром я как ни в чём не бывало отправилась в гимназию. Владимир Викентьевич меня подвёз, а охранник остался снаружи, поскольку на занятия его всё равно не пускали, мотивируя тем, что посторонним в гимназии делать нечего. Я же как только вошла, сразу бросилась искать Оленьку, потому что оставалось одно важное дело, которое непременно следовало утрясти до отъезда. Хорошо, что подруга как раз была в гардеробе и мне не пришлось ни раздеваться, ни искать её.

– Оля, у меня к тебе большая просьба, – торжественно сказала я. – Когда будешь писать брату, вставь туда фразу: «Всё идёт по плану».

– То есть написать, что ты передаёшь, что всё идёт по плану? – удивлённо уточнила она. – По какому плану и когда это вы успели о нём договориться?

– Нет, про меня упоминать не надо. Просто напиши эту фразу, можешь подчеркнуть, но и только. Хорошо? Не забудь, очень прошу.

– Хорошо. А...

Спросить она больше ничего не успела, потому что я набросила на себя полог и помчалась к выходу. Если я собираюсь уехать сегодня с Мэннинг, тянуть нельзя. Двери в гимназии постоянно открывались и закрывались, поэтому мой охранник, увлечённо болтавший с дворником, на лишнее открывание и внимания не обратил.

Я же рванула к дому Владимира Викентьевича, мой план слишком зависел от времени, чтобы не переживать о стремительно улетающих минутах. В дом я прошмыгнула уже привычным чёрным ходом, стараясь как можно медленнее и тише открывать дверь. Но думаю, что даже будь я не под отводом глаз, меня бы не заметили, настолько увлечённо кухарка с горничной что-то обсуждали.

В своей комнате я переделалась и добавила в саквояж всякую гигиеническую мелочёвку: расчёску, зубную щётку, зубной порошок. Косу закрутила в узел и пришила в голове грубыми чёрными шпильками. Вместе с новой одеждой и внешностью облик получился необычайно солидным, вполне подходящим переводчице. Правда, сама я видела собственное лицо через морок, который для остальных был непроницаем. Почти для всех. Надеюсь, что не встречу более сильного мага, способного распознать обман.

Моё пальто и гимназическая форма заняли место на шкафу под отводом глаз. Если туда никто не полезет, плетение должно проработать около месяца. По-хорошему, надо куда-нибудь утащить и сжечь. Но нет времени, а

вот вероятность, что это действие засекут, напротив, – есть. Так что оставить здесь надёжнее.

Кухарка и горничная так и продолжали болтать. Наверное, традиция у них такая: как уходит Владимир Викентьевич из дому, так они за чай садятся и жалуются друг другу на горькую женскую долю. Кухарка даже всхлипнула, явно обсуждалось что-то берущее за душу. Но останавливаться и слушать я, разумеется, не стала, а тихо прикрыла за собой дверь чёрного хода. Прошла пару кварталов, завернула за угол, сняла отвод глаз, оставив только ту его часть, что отвечала за запахи, и вывернула опять на центральную улицу.

Хотелось бежать вприпрыжку, несмотря на то, что увесистый саквояж оттягивал руки. Я заставляла себя идти не столько медленно, сколько уверенно, хотя внутри всё сжималось от страха. Вдруг мисс Мэннинг за ночь передумала или Песцов нашёл ей другого переводчика? Почти все деньги, которые у меня были, я потратила на новую одежду. Можно сказать, поставила всё на кон, и даже думать не хочу, что буду делать, если проиграю. Я не проиграю, потому что не имею на это права.

Швейцар важно раскрыл передо мной дверь, и я оказалась в холле гостиницы. Мисс Мэннинг пока не было, но Песцов уже был, сидел на диванчике и скучающе изучал картины на стенах. Пальто он небрежно распахнул, но не снял. Надеется на пунктуальность своей дивы?

Делая вид, что я понятия не имею, кто он, я подошла к портье и поинтересовалась мисс Мэннинг.

– Она вот-вот спустится, – ответил тот. – Вон тот господин её тоже ждёт.

Я повернулась и встретилась взглядами с Песцовым. Свой отводить не стала. Напротив, попыталась улыбнуться как можно доброжелательней, скопировав Грызельду в хорошем настроении, и подошла к нему. Он вставить не стал, разом оценив и возраст, и финансовое состояние, спросил этак настороженно:

– Вы та самая переводчица, о которой меня предупреждала мисс Мэннинг?

– Именно так, господин...?

– Песцов, – кивнул он. – Дмитрий Валерьевич.

– Анна Дмитриевна. – Руку я протягивать не стала. Что-то мне подсказывало, что она так и повиснет в воздухе. – Павлова.

– Так вот, Анна Дмитриевна, – вальяжно сказал он, – переводчика я не нашёл за столь короткий срок, поэтому выставлять вас сразу не буду.

– У меня договор с мисс Мэннинг, – напомнила я.

– Мисс Мэннинг плачу я, а значит, я и решаю, кто с ней будет работать, – жёстко бросил он. – Вы появились необычайно вовремя, и это мне кажется весьма подозрительным.

– Уверяю вас, наша встреча с мисс Мэннинг была случайной, – возразила я.

– Нет лучше случайности, чем хорошо запланированная, не так ли? – Он прищурил глаза, нехорошо так, подозрительно хищно прищурил. – Учтите, милочка, вам меня не подловить.

– Что вы имеете в виду? – опешила я.

– Вы прекрасно понимаете, – фыркнул он. – Будет она мне тут притворяться. Вы же от Рысьиных?

– С чего вы взяли?

Выверты его воображения скорее пугали, чем радовали.

– С разговора с Фаиной Алексеевной, – пояснил Песцов. – Она меня предупреждала, что без присмотра не оставит. Я же не идиот. Два и два сложить много ума не надо. Так что вы здесь долго не проработаете. Более того, я прямо сейчас попрошу мисс Мэннинг, чтобы она разорвала ваш договор.

– Но мне нужно это место, – почти умоляюще сказала я. – Что я могу сделать, чтобы избавить вас от подозрений по отношению ко мне?

– Готовы поклясться, что не имеете отношения к Рысьиным? Правильно поклясться, я имею в виду, а не просто сотрясти воздух словесами.

Я не чувствовала себя частью рысьинского клана, но, боюсь, попробуй я поклясться, местные боги меня точно как-нибудь да накажут. Нет уж, обойдёмся без формальностей.

– Разумеется, нет, – попыталась увильнуть я. – Мало ли кто из моих предков мог быть из них?

Например, отец. Или бабушка. Да и сама я, как ни крути, Рысына.

– Вот поэтому вы вылетите при первой возможности с места при мисс Мэннинг, – хищно осклабился Песцов.

– Возможно, нам удастся договориться как-то по-другому, без клятвы?

– предложила я. – Клятва – вещь весьма опасная.

– По-другому? – Он переплёл пальцы и задумчиво на меня посмотрел. – И во сколько вы оцениваете это самое «по-другому»?

– Это не мне оценивать, а вам.

– То есть я выплачиваю вам некоторую сумму, а вы сообщаете Рысыной то, что я вам скажу, я вас правильно понял?

– Если она спросит, – поставила я встречное условие.

Всё-таки бегать за бабушкой и рассказывать ей сказки про безупречный песцовский облик я не собиралась, пусть я и виновата в том, что он пошёл трещинами в глазах моей пожилой родственницы. А вот деньги я возьму, не столько потому, что они мне жизненно необходимы, сколько потому, что в противном случае Песцов меня непременно выживет или даже забудет где-нибудь в глуши. А мне этого не нужно. Как ни крути, но мисс Мэннинг на несколько месяцев – идеальное прикрытие.

Глава 2

Обещанные Песцовым сани на деле оказались возком: этакой дорожной каретой, поставленной на полозья и шустро катившейся по снегу. В возке ехали мы вчетвером: мисс Мэннинг со своей горничной, Песцов и я. Маленькие окна пропускали света не так уж и много, и внутри царил полумрак, в котором певица уже не отличалась от своего изображения на афишах и выглядела юной и красивой. Песцов распускал перед ней хвост почти как Павлинов, пытаясь при этом выразительно игнорировать меня. Получалось второе у него плохо, поскольку сидел он напротив и я, вне своего желания, постоянно была у него перед глазами, а стоило ему остановиться на мне взгляд, как на его лице появлялась раздосадованность. Наверняка бедолагу изнутри жгло сожаление о наспех всученных мне деньгах, и он размышлял, насколько удачным окажется вложение. Не получится ли так, что я и его ограблю, и Рысыной выложу всё как есть?

Поэтому он осторожничал, не позволяя себе вольности в отношении мисс Мэннинг даже в разговоре.

В моих услугах пока не нуждались, поскольку Песцов болтал по-

английски свободно. Наверное, в его гимназии был упор не на те языки, что в моей. Или его родители нанимали учителя. Или он сам настолько часто приглашал артисток из Англии, что волей-неволей выучил язык почти в совершенстве. В любом случае меня к общению не привлекали, поэтому я могла лишь прислушиваться к их беседе и смотреть через крошечное окошко на бескрайнюю белую простыню, очень редко протыкавшуюся деревьями. Иногда вдали чернели или зеленели островки – в зависимости от того, лиственные или хвойные деревья там были. Моя

рысь заинтересованно приюхивалась, мечтая о прогулке по мягкому белому снегу. Но ещё она и чутко прислушивалась к шумам снаружи. До сих пор не

верилось, что удалось выбраться из Ильинска, оставив с носом любящую бабушку. Конечно, это была ещё не победа, а лишь шагок к ней. Маленький шагок, крошечный, почти незаметный.

И свобода относительная. К мисс Мэннинг я пока привязана договором,

поэтому заниматься тем, чем хочу, не могу, даже оборачиваться в ближайшее время придётся только за закрытыми дверями и под кучей защит. Не дай бог, учует кто-то! Вон как Песцов подозрительно водит носом. Или этот оттого, что воздух здесь уже спёртый? Невыносимо хотелось выбраться наружу: в возке было душно, жарко и всё пропахло тяжёлыми духами мисс Мэннинг, которые здорово били по обострившемуся обонянию.

– Что-то вы, Анна Дмитриевна, приуныли, – внезапно сказал Песцов.

– Скучно, – пояснила я, недоумевающая, чего ему от меня понадобилось.

– Я ничем не занята, а пейзаж однообразный.

Мисс Мэннинг и её горничная переводили взгляд с меня на Песцова. Певичка казалась удивлённой. Наверняка тем, что в её присутствии говорят не с ней, да ещё и на языке, ей непонятном.

– Дмитрий, о чём вы говорите? – не выдержала она.

– Спросил у вашей переводчицы, почему её лицо напоминает прокисшее тесто, – рассмеялся Песцов. – Она ответила, что не привыкла сидеть без дела.

– Пусть не переживает. Ещё успеет охрипнуть, – успокоенно сказала мисс Мэннинг. – Не обижайте Анну, пожалуйста. Если она из-за вас уйдёт, я тоже уеду, имейте в виду.

– Филиппа, только не говорите, что вы успели к ней привязаться, – удивился Песцов.

– Я не хочу остаться без переводчика посреди бескрайних снегов, – капризно сказала мисс Мэннинг. – Это вам хорошо, Дмитрий, а у меня второго облика нет.

Она величественно поправила меха на плечах, отчего я сразу почувствовала ущербность своих. Нет, мои выглядели прилично. Но только пока рядом с ними не оказывались роскошные меха мисс Мэннинг, которые никто не подвергал усиленной чистке. Следить-то за ними наверняка следили: горничная выглядела аккуратной и исполнительницей и даже в дороге не сводила глаз с хозяйки – вдруг той что-то понадобится.

– Очень жаль, уверен, он был бы не менее прекрасен, чем первый, – галантно сказал Песцов, к моей радости, опять полностью переключаясь на мисс Мэннинг. – Вы бесподобны, Филиппа. Вы были бы райской птицей.

Она благосклонно кивнула, и Песцов принялся разливать соловьём, более не обращая на меня внимания. Меня это ни капельки не огорчило. Чем меньше мне уделяют внимания – тем меньше вероятность разоблачения. Я и без того нервно сжималась при весёлом перезвоне колокольчиков на дугах проезжавших мимо повозок. На машинах, видимо, на такие расстояния зимой ездить не рисковали – за всю поездку не встретилось ни одной, хотя дорога была достаточно оживлена и нам навстречу постоянно кто-то попадался.

Ехали мы долго, с остановками и чаем на постоянных дворах, поэтому в конечный пункт прибыли совсем поздно. Чувствовала я себя, так, словно лично тащила возок всю дорогу. В голове звенело от непрекращающегося щелбета мисс Мэннинг. Похоже, не только у меня. Песцов выглядел не таким счастливым, как в начале нашего путешествия, и потряхивал ушами, когда

немного забывался, словно очень громкие звуки туда не только проникли, но и зацепились и теперь причиняли если не боль, то сильное неудобство. Что ж, искусство требует жертв. Кто сказал, что не от него?

– Ужасная дорога, – простонала мисс Мэннинг в довольно большом гостиничном холле, где к нам бросилось сразу несколько служащих в униформе, подхвативших её багаж. Свой саквояж я не выпускала из рук и не доверила бы его никому. – Не могу дождаться, когда наконец доберусь до кровати.

– Филиппа, а ужин? – не слишком убеждённо напомнил Песцов. – Нельзя ложиться спать на голодный желудок. Ваша красота пострадает.

– Закажу в номер что-нибудь, – капризно сказала мисс Мэннинг. – Я за сегодня уже насиделась. Мне нужно лечь. Лечь, закрыть глаза и поспать. Иначе завтра у меня будет жуткая мигрень.

– Дорогая, неужели мне придётся ужинать в одиночестве? – с фальшивой грустью спросил Песцов.

– Почему в одиночестве? С Анной, – заявила мисс Мэннинг, довольной улыбкой отмечая вытянувшееся лицо собеседника. – И не возражайте, Дмитрий, я ей обещала, что позабочусь о её пропитании.

Все проявления радости, возникшие на лице Песцова, когда он понял, что не увидит больше сегодня мисс Мэннинг, испарились.

– Вы собираетесь ей скормить меня? – жёлчно поинтересовался он.

– Никогда бы не подумал, что вы меня настолько ненавидите.

Мисс Мэннинг рассмеялась красивым серебристым смехом, нежным колокольчиком раскатившимся по гостиничному холлу, и положила ручку на плечо ухажёру.

– Какой вы злюка, Дмитрий. – Погрозила она пальчиков в лайковой перчатке. – Учтите, если вы будете плохо относиться к Анне, непременно об этом пожалеете.

– Только ради вас, – мрачно согласился Песцов и продолжил по-русски. – Анна Дмитриевна, скажем, через полчаса встречаемся в холле?

– Извольте говорить при мне на том языке, который я понимаю, – капризно бросила мисс Мэннинг. – Анна, что от вас хотел Дмитрий?

– Назначил мне свидание в холле через полчаса, – невозмутимо ответила я.

– Не свидание, а встречу! – оскорблённо рявкнул Песцов. – Я начинаю сомневаться в вашей способности к точному переводу.

– Вы не уточняли, – заметила я. – А я женщина одинокая, вдовая, мне нужно думать об устройстве личной жизни. Вот и думаю.

Песцова перекосило до неузнаваемости, что вызвало прямо-таки приступ веселья со стороны мисс Мэннинг.

– Анна Дмитриевна, свидание с вами мне может только в страшном сне присниться, – бросил он.

– Строго говоря, вы тоже не мечта одинокой женщины, но в моём возрасте нужно брать что дают, – философски заметила я.

Мисс Мэннинг элегантно приложила руку ко рту, борясь с желанием неприлично захохотать на весь холл. И я её понимала, стоило только взглянуть на лицо Песцова. Конечно, плохо дразнить одного из возможных женихов, но удержаться не было никакой возможности. Рысь внутри решила, раз уж не выпускают, поиграть хоть так. Но Песцов игры не принял.

– Филиппа, уверен, Анна тоже прекрасно поест у себя в номере, благо я ей оплатил отдельный.

– Дмитрий, – угрожающе сказала мисс Мэннинг, – моя голова начинает болеть. Решайте этот вопрос с Анной. При чём тут я?

Она царственно кивнула и пошла к лестнице, оставив опешившего организатора её турне по России переваривать приказной тон. Пожалуй, со стороны мисс Мэннинг это было ошибкой: наверняка незаменимых актрис для Песцова не было, а уж тех, кто ставил его в глупое положение, он менял

даже чаще, чем в среднем по палате.

– Я понял, – прошипел он, приблизившись ко мне почти вплотную и перейдя на русский язык, – вы собираетесь меня скомпрометировать. Чтобы от моей репутации не осталось даже огрызков, когда решат, что я связался с вами.

– Ни боже мой, Дмитрий Валерьевич. Сами подумайте, могу ли я вас скомпрометировать на фоне мисс Мэннинг? Рядом с ней остальные женщины не котируются. Итак, что мы решаем? Вы оплачиваете мне ужин в номер?

– Я вам достаточно заплатил, чтобы вы оплачивали свои ужины сами. Но на эти деньги у меня уже были вполне определённые планы,

поэтому я лишь отметила:

– Боюсь, мисс Мэннинг это не понравится.

Довод был слишком веским, чтобы Песцов к нему не прислушался. Он с тоской огляделся, но, похоже, сегодня единственными дамами были мы с мисс Мэннинг, поэтому он пришёл к выводу, что для его репутации лучше на виду у всех поужинать с переводчицей и показать своё к ней отношение, чем оплачивать ей ужин в номер.

– Хорошо, через полчаса в холле, – буркнул Песцов. – Но чтобы никаких намёков. Вы на себя давно в зеркало смотрели, Анна Дмитриевна, чтобы со мной заигрывать?

– Заигрывать с вами, Дмитрий Валерьевич, да вы с ума сошли? – фыркнула я.

Но дразнить его больше не стала, пошла к себе в номер. Он находился на этаж выше, чем у мисс Мэннинг и наверняка не был таким шикарным, как у неё. Но мне и этого было предостаточно. Постоянно подпитывать изменение внешности и щит, отбивающий запахи, оказалось необычайно трудно. Мне требовалась небольшая передышка.

Я сбросила одежду и перетекла в рысь. Возможно, зря, потому что меня тут же оглушило множеством запахов, приятных и не очень. Я чихнула и немного поиграла кисточкой на декоративной подушке, чтобы хоть так удовлетворить рвущуюся наружу потребность одной из своих половин. Кисточка неожиданно оторвалась, что меня ужасно огорчило, и я подумала, что стоит на такой случай возить с собой верёвочный мячик, а то кисточек в гостинице не напасёшься.

В человека я вернулась с некоторым сожалением, но этого никак нельзя было избежать. Нужно было поторапливаться, чтобы успеть к сроку. Ничего, сейчас быстро поужинаю и опять останусь одна.

В холл я спустилась, чуть успокоившись и освежившись. Осанка строгая, волосы затянуты – никто не забудет, что я на работе. Как ни странно, Песцов меня уже ждал и даже встал при моём появлении, но руку

не подал, не посчитал достойной спутницей, лишь сухо кивнул, показывая, что заметил.

– Вы меня необычайно злите, Анна Дмитриевна, – неожиданно почти пролаял он, когда мы уже сидели за столом и ждали заказ. – Почему?

– Вы у меня спрашиваете? – удивилась я. – Вам лучше знать. Психолог бы наверняка сказал, что я вам напоминаю что-то неприятное или, напротив, нравлюсь.

Он забавно дёрнул носом.

– Нравитесь? Ну у вас и самомнение, дорогая. Впрочем, будь вы лет на тридцать моложе... – Он выразительно окинул меня взглядом, в этот раз не ограничившись только осмотром лица, задержался на руках, на которых остались следы чернильных пятен. – Или на двадцать...

Задумчивость его мне не понравилась. Изменяла я только лицо, а всё остальное было моё и наверняка не слишком подходило к выбранному образу, но тут уж я ничего поделывать не могла, не так уж хорошо я наводила иллюзии, чтобы менять сразу всё. Но руки – это не лицо. Может, я за ними хорошо ухаживала, чураясь грязной работы? Или вообще Песцов думал совсем о другом, глядя на мои руки, и не замечал их состояния? Да даже если и заметил, главное чтобы не посчитал важным.

– А вы знаете, Анна Дмитриевна, что-то в вас есть этакое...

– Вы геронтофил, Дмитрий Валерьевич? – любезно улыбнулась я, надеясь, что уж этим определением я его пристукну так, что он надолго обо

мне забудет.

– Кто? – вытаращился он.

– Тот, кто влюбляется исключительно в пожилых женщин.

Испытывает, так сказать, нездоровую тягу к ним.

Руки я спрятала под стол и молила бога, чтобы официант как можно скорее принёс заказ. Тогда Песцов отвлечётся на еду и не будет меня разглядывать с таким интересом. А то раз поглядит, два – и вся конспирация полетит коту под хвост. Или в данном случае – песцу.

Конечно, он меня снабдил деньгами для экстренного бегства, но это не даёт ему права лезть в мои тайны.

– Слышала бы вас сейчас мисс Мэннинг...

– Хотите сказать, что тяга к ней здоровая?

– Она не может считаться пожилой, – возмутился Песцов.

– Так и я об этом. – Я невинно похлопала глазами. – Мисс Мэннинг красивая молодая дама, а значит, вас к ней тянет совершенно нормально. Тянет же?

– Тянет, – усмехнулся Песцов, не сводя с меня внимательных глаз.

– Значит, с вами всё в порядке.

Наконец появился официант с нашим заказом, и мы с Песцовым приступили к тому, зачем, собственно, сюда пришли: к ужину. Я старалась побыстрее покончить, чтобы уйти к себе и придумать, что сделать с руками. Или теперь уже ничего делать не нужно, а то подозрений не оберёшься? В расстройстве я даже доедать всё не стала, пожелала Песцову приятного аппетита и встала, намереваясь уходить.

– И всё-таки вы меня бесите, Анна Дмитриевна, – вместо прощания сказал Песцов. – Что-то с вами не то. Нутром чувствую, объяснить не могу.

– Он грозно нахмурился и бросил: – Постарайтесь поменьше попадаться мне на глаза. Не до ваших загадок сейчас.

Хотя хотелось вылететь из ресторана пулей, я шла неторопливо, помня, что Песцов на меня смотрит, а он и так подозревает меня невесть в чём.

Бешу я его, видите ли, он меня тоже бесит. Не потому ли, что один оборотень чует другого даже через отвод и хочет показать, кто здесь главный? Нужно держаться от него подальше, пока он не сложил два и два.

По дороге я зашла к мисс Мэннинг спросить, нужна ли я буду сегодня певице. Дверь открыла горничная и прошептала, что мисс Мэннинг утомилась и спит. Мы договорились, что утром она ко мне забежит и сообщит, когда хозяйка проснётся, после чего я с чистой совестью поднялась к себе, заперлась, оставив ключ в замке и чуть повернув, чтобы его нельзя было вытолкнуть. Я чувствовала, что если сегодня я не побуду рысью, то не смогу ни отдохнуть, ни успокоиться.

Я разворошила постель, создав там уютное гнездо, насколько это можно было сделать с накрахмаленным бельём, разделась и прыгнула, в прыжке перетекая в рысь. Потянулась, подумала, не оббежать ли хотя бы по периметру комнату, но полный живот тянул к матрасу, и я решила с ним согласиться.

Сон пришёл сразу, и был он несколько странным. Сначала казалось, что вокруг непроницаемая темень, словно кто-то вылил бутылёк самой чёрной туши и закрасил всё в один цвет без полутонов. Затем ко мне начал приближаться свет, яркий, почти такой как в святилище Велеса. Но не такой. Велесовское сияние было тёплым, это холодным, но сомнений в том, что в мой сон пожаловал бог – не было. Силуэт был уже совсем рядом, но черты я рассмотреть не могла: свет слепил даже во сне, мешая не только смотреть, но и думать. А ещё он подавлял. Я начинала казаться себе маленькой и

слабой, захотелось упасть на колени и молить о прощении.

– Пришло время исполнить договор, – прогремело так, что у меня волосы стали дыбом везде: от кончиков ушей до кончика хвоста.

– Какой договор?

– Ты забыла?

– Забыла, – легко согласилась я. – Вы же сами заблокировали мою память. – Почему-то я была уверена, что блок поставил именно он. – Поэтому вам придётся напомнить, о чём мы договаривались. И вернуть мою память. Это наверняка в договор не входило. Что я должна сделать?

– Вернуть принадлежащее мне и не принадлежащее этому миру.

Произнести нужные слова над нужным предметом.

– Как я произнесу, если их не помню?

– Ты вспомнишь сразу, как возьмёшь в руки, – резко сказал он. – И память к тебе тогда тоже вернётся. Вся полностью и без купюр. Печать будет сорвана. Иначе нельзя.

Что-то мне подсказывало, что он лукавит. И что в нашем договоре что-то пошло не так. Я бы не согласилась занимать чужое тело, оставляя своё умирать. От перемещения души её суть не меняется.

– Где я должна брать этот нужный предмет?

– Это знает прежняя владелица этого тела.

– У меня нет доступа к её знаниям.

Но я и без них заподозрила, что этому типу нужен тот же артефакт, на который в последнее время претендуют все, кто ни попадя. И не факт, что кто-то из них имеет на него право. Включая этого сияющего.

– У тебя есть доступ к её телу. Этого достаточно.

Как ни странно, я начинала злиться, от чего страх почти полностью прошёл.

– Достаточно для чего? Вы говорите загадками, как в старых сказках: пойдти туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что. Как выглядит то, что мне нужно взять в руки?

– Я не знаю, как оно выглядит в этом мире. Лишь вижу связь с этим телом. Ты должна исполнить договор.

– Как, по-вашему, я его исполню? – недовольно фыркнула я. – Я не знаю, ни где предмет, ни как он выглядит. Более того, он остался там, откуда я уехала. Почему вам было не появиться тогда, когда я ещё

была в
Ильинске?

– Я не мог там до тебя достать, – неохотно сказал бог. – Ты меня не слышала. Там слишком силён другой.

– Теперь слышу, но я не там.

– Значит, ты должна вернуться и исполнить, – завёл он шарманку.

– Давайте договоримся, что я вернусь, как только вы чётко скажете, что и где я должна взять в руки. Или через четыре года, когда я стану неподвластной клану Рысьиных. Связь же никуда не денется за это время, а вы наверняка уже столько прождали, что...

Он исчез столь внезапно, что я не успела договорить. С ним исчезла чернота, давящая тяжесть, и желание бежать немедленно выполнять его требования. Прямо на коленях бежать, на которые я должна была встать, умоляя о прощении за просрочку. Неприятный какой бог. Почему-то показалось, что ушёл он не сам, а ему помогли, вытолкнули из этой реальности, пусть даже здесь он был не сам. Ибо будь он здесь, одними угрозами дело бы не ограничилось, меня наверняка бы распотрошили, чтобы подцепить конец связи и выйти на тот загадочный артефакт, который так мешал моей жизни в этом мире. Не может же такого быть, что та Лиза внезапно оказалась ключом к двум предметам. Похоже, если передавать этот артефакт, то только тому, кому желаешь долгой и мучительной смерти...

Глава 3

Не знаю, заметила ли мисс Мэннинг, что я раздражаю Песцова, но её вполне устраивало, что я иду не рядом с ними, а чуть сзади и никак не участвую в разговоре. Шли мы втроём, поскольку горничная осталась в гостинице заниматься костюмом для выступления, а Песцов уверил, что в театре полностью готовы к приёму именитой гостьи и уж чай найдётся кому подать. При этом он столь ехидно на меня посмотрел, словно был уверен, что в случае чего носиться по поручениям дивы придётся мне.

– Вот мы и пришли, – гордо возвести он.

Почему-то я думала, что театр непременно должен быть либо из кирпича, либо из камня с огромными колоннами, подпирающими архитектурные конструкции, названия которых в моей памяти пока не всплыли. Впрочем, вполне возможно, что их там никогда и не было: я сильно сомневалась, что имела хоть какое-то отношение к архитектуре или строительству. Да и неважно это было совершенно, поскольку театром, в котором предстояло выступить мисс Мэннинг, оказалось здание, сложенное из брёвен. Здание было красивое, двухэтажное, украшенное множеством резных элементов, местами выглядевших почти нематериальным кружевом, и одного взгляда на него хватало, чтобы в голове сами собой начинали всплывать русские сказки с Серым Волком, Жар-птицей и Царевной-

лягушкой. Но мисс Мэннинг наверняка читала в детстве другие сказки.

– Дмитрий, вы серьёзно хотите, чтобы моё выступление прошло в этом?.. – Она остановилась перед дверью, показывая, что никакие силы не заставят её войти внутрь. – Это нарушение договора! Жесточайшее нарушение.

Руки певица скрестила перед грудью, насколько это позволяла зимняя одежда, а подбородок задрала так, словно собиралась смотреть на Песцова сверху вниз. Разумеется, когда он упадёт перед ней на колени, моля о прощении.

– В чём дело, Филиппа? – удивился тот. – Прекрасное здание. Из настоящей лиственницы. А как в нём дышится...

Он с силой втянул в себя воздух, показывая, с каким удовольствием он начнёт дышать, когда наконец окажется внутри.

– Это неуважение ко мне, – капризно сказала мисс Мэннинг. – Я не могу выступать в таких условиях, это отрицательно скажется на моей репутации. Это не дом. Это сарай.

Она пренебрежительно посмотрела на почерневшие стены. Был бы в руках зонтик – непременно потыкала бы, показывая своё отношение. Но увы, зонтика не было, пришлось обходиться взглядами.

– Филиппа, дорогая, что вы такое говорите? – Песцов придвинулся к ней вплотную. – Это же бывший княжеский терем.

– Терем?

– Терем – это почти дворец. Посмотрите с другой стороны, Филиппа, вы будете выступать в настоящем дворце. Здесь жил целый княжеский род.

– Хм...

На её месте я бы тоже засомневалась. Терем был симпатичный, но на дворец никак не тянул. Размаха не хватало. И резных каменных колонн – тоже.

– Это старинное здание, с давней историей.

– Оно деревянное, – заметила мисс Мэннинг. – О какой давней истории вы говорите, Дмитрий?

– Лиственница. – Песцов уважительно похлопал по бревну. – Она почти вечная. Главное – зачаровать против возгорания и не забывать конопатить щели. Деревянные дома в наших широтах – самые тёплые, поверьте, Филлиппа.

Верить она не собиралась. Ещё раз осмотрела здание и ещё раз осталась недовольна увиденным.

– И где теперь тот княжеский род, что здесь жил? – недоверчиво спросила мисс Мэннинг.

– Соболевы? Размножились так, что им теперь и десятка таких домов будет мало, – скривился Песцов. – Подняли под себя почти всю добычу мехов. И почти все зверофермы.

Информация была интересной. Не хотели ли Песцовы сбавить Рысьиным со своим представителем нерентабельный магазин?

Действительно, как он мог быть рентабельным, если все приглашённые певички расхаживают в мехах? Вон как мисс Мэннинг при упоминании сферы влияния Соболевых задумчиво погладила свои, наверняка вспоминает, как достались.

– Но здесь, в этом городе, они же где-то живут? – продолжала допытываться мисс Мэннинг.

Песцов бросил беглый взгляд на стоящий неподалёку особняк, с куда большим правом могущий называться театром, и сказал с совершенно честным выражением физиономии:

– У них огромное загородное поместье, Филиппа. Видите ли, оборотням нужно время от времени выпускать погулять зверя. А Соболевы

в этом плане слишком непредсказуемые, чуть что скалят зубы и пытаются вцепиться в горло. Плохой контроль, что с них взять.

Он пренебрежительно фыркнул и махнул рукой в сторону, противоположную особняку, чтобы наверняка отвлечь мисс Мэннинг. Но певица догадалась, что её пытаются надуть и нахмурилась. Она посмотрела на тот дом и повелительно указала на него:

– Мне кажется, Дмитрий, что настоящий театр там, а сейчас вы меня разыгрываете. Я не буду петь здесь, я буду петь там. – Она капризно округлила рот. – Иначе это будет нарушение контракта и вам придётся платить мне штраф.

Она притопнула ботиночком по снегу, оставив круглую, хорошо различимую вмятинку, и вызывающе посмотрела на Песцова. Он же, в свою очередь, почти с ненавистью взглянул на меня, хотя я весь этот занимательный разговор промолчала и даже дышать старалась через раз. И всё же моё присутствие выбесило Песцова до такой степени, что он окончательно перестал сдерживаться.

– Неужели? – выверился он. – Филиппа, вы не находите, что это уже переходит все границы? Или вы немедленно идёте репетировать туда, куда я указал, или штраф придётся платить уже вам за сорванный по вашей вине концерт! Я вам не собачка, чтобы прыгать вокруг вас на задних лапках! До вечера, мисс Мэннинг!

Он треснул тростью по балясине крыльца, развернулся и рванул от нас с такой прытью, словно у него внезапно включился двигатель внутреннего сгорания, в котором в качестве топлива использовались накопившиеся злость и раздражение. И похоже, топлива было так много, что хватило бы до Ильинска. Впрочем, скорее всего, спускать пар Песцов будет куда ближе.

– Дмитрий, вы куда? – испуганно спросила мисс Мэннинг, враз растеряв всю уверенность. – Анна, что это с ним?

Песцов на её призыв не обратил внимания и если и свернул в переулок, то не потому, что хотел уйти из зоны видимости, а потому, что так наверняка было ближе к цели. У меня были предположения, куда он бросился, задрав хвост, но делиться ими с мисс Мэннинг я оказалась не готова. Не слишком приличные предположения это были.

– Не выспался, наверное, – пожала я плечами. – А возможно, напротив, выспался, поэтому и в плохом настроении.

Сама же я чувствовала себя несколько разбитой. Пожалуй, зря я решила поспать рысью, поскольку, как выяснилось, в этом облике мне снятся странные сны. Был ли сегодняшний сон кошмаром или со мной действительно говорила некая божественная сила? Я предпочитала все

мысли об этом отодвигать подальше. Вот если приснится второй раз, тогда и буду думать.

– Мы возвращаемся в гостиницу?

– Что? А, нет, конечно.

Мисс Мэннинг недолго смотрела в сторону, куда сбежал антрепренёр, вытащила руку из муфты и решительно застучала в дверь. Платить штраф она явно не собиралась.

– Чего надоть?

Открывший нам мужик словно сошёл с лубочной картинки. С одной стороны, он идеально подходил к терему, с другой – был несколько нарочит. Во всяком случае, до сего дня я не видела никого в косоворотках и штанах, подпоясанных вышитыми поясами. Впрочем, в театрах я тоже не была. Во всяком случае, в этом мире.

– Мисс Мэннинг хочет посмотреть подготовленное для неё помещение, – оттарабанила я, не дожидаясь слов нанимательницы.

– Сейчас узнаю.

Он захлопнул дверь прямо перед носом уже вознамерившейся войти певицы так, что та отшатнулась и возмущённо на меня посмотрела.

– В чём дело, Анна? Что вы ему сказали?

– Он пошёл узнавать, можно ли вас впускать, – пояснила я. – Похоже, о вашем прибытии ему не сообщили.

Мисс Мэннинг развернулась и сузившимися глазами посмотрела в сторону, куда удрал Песцов. Ох, сдаётся мне, одним скандалом дело не ограничится.

– Что значит не сообщили? – прошипела она. – Концерт завтра по графику. Мне нужно и осмотреться, и прорепетировать. Партитуры им были высланы, но я должна убедиться, что исполнение мне подходит. Всё. Теперь мистер Песцов не скажет, что я нарушаю контракт. Анна, мы возвращаемся.

Она царственно развернулась, но в этот момент дверь распахнулась, выпустив даму в накинутой на плечи шубке. Мощная грудь, распирающая лиф лилового атласного платья, вздымалась от избытка чувств, нахлынувших при виде приезжей певицы.

– Ох, мисс Мэннинг, наконец-то, мы вас так ждали, так ждали.

Проходите же. А господин Песцов, где он?

Она приподнялась на цыпочки в попытках разглядеть за нашими спинами отсутствующего Песцова. Не увидела. Посмотрела направо, налево и уставилась на нас в полнейшем недоумении.

– Что она говорит? – вздохнула певица, сообразив, что теперь вернуться просто так не получится.

– Радуетесь, что вы наконец приехали, и просит проходить. – И встречающей нас даме: – Мисс Мэннинг и господин Песцов немного повздорили. Он разозлился и бросил нас перед театром.

– Господин Песцов? – изумилась та. – Разозлился? Быть того не может. Он такой милый. Да проходите же, наконец, мисс Мэннинг! Незачем мёрзнуть на улице.

Она потянула певицу за рукав, и та неохотно, но двинулась за ней. Завершала процессию я, привычно устроившись за чужими спинами. Коридор внутри здания был тщательно оштукатурен и ровно покрашен, так что ничем не отличался от своих собратьев в каменных домах. А уж портретов там было повешано! Наверняка какие-нибудь знаменитости.

Но само здание выглядело нежилым, если так вообще можно говорить в таком ключе о театре. Тут царил не дух искусства, а почти могильная тишина.

– Гришка, сбегай за аккомпаниаторшей, – скомандовала дама встретившему нас мужику. – И быстро. Чтобы пока я покажу мисс Мэннинг театр и её гримёрку, она была уже здесь.

– Чего сразу Гришка-то? – заныл-то.

– Выгоню, – грозно бросила дама и так взглянула на подчинённого, что того словно ветром сдуло. И тут же ласково: – Мисс Мэннинг, хотите чаю?

Предложение сопровождалось столь сладкой улыбкой, будто именно её предполагалось подавать к чаю вместо мёда. Я перевела. Певица посмотрела так, словно её глубочайше оскорбили и высокомерно протянула:

– С кем имею честь?

– Ох, я не представилась? Соболева, Ксения Андреевна.

– Соболева? – уловила мисс Мэннинг, сразу вспомнившая, кому принадлежало, а, возможно, и ныне принадлежит это здание.

– Да-да, – часто закивала дама. – Соболева. Это моя племянница – невеста наследника Российского престола.

Её слова вызвали у меня некоторое сомнение. Засомневалась и мисс Мэннинг, которой я перевела в точности.

– Неужели племянница? – протянула она с недоверием. – Родная?

– Двоюродная, – сказала Ксения Андреевна со столь честным видом, что и сомнения не возникло: родство ещё более дальнее. – Но Сонечка мне почти как дочь. Я её знаю с младых ногтей. Вот такусенькой.

Она показала рукой у самого пола, специально присев для этого. Судя по показанному расстоянию, помнила она свою племянницу ещё со времён эмбриона, потому что даже во второй ипостаси та была наверняка крупнее.

Если, конечно, она не Мышкина или Хомячкова. В звериных родах всякое может быть...

– Хм...

Выразительность этого междометия была многократно отработана на Песцове, поэтому Соболева моментально выпрямилась, чуть зарозовев то ли от стыда, то ли от непосильной физической нагрузки для её комплекции и возраста.

– А Дмитрий Валерьевич не сказал, когда подойдёт? – оскорблённо спросила Ксения Андреевна почему-то у меня, хотя я как раз никак не выразила своё отношение к её рассказу.

– Вечером, – припомнила я. – До этого времени мисс Мэннинг собиралась тут всё осмотреть и убедиться в соответствии контракту.

– Да что осматривать? – удивилась Ксения Андреевна. – Всё сделано в точности, как Дмитрий Валерьевич написал, так можете и сказать мисс Мэннинг. Кстати, как я к вам могу обращаться?

– Анна Дмитриевна Павлова.

– Павлова? – оживилась она. – А вы не из этих Павловых?..

– Нет, – твёрдо ответила я.

Соблазн согласиться появился, но ничего ни про каких Павловых я не знала, поэтому приписываться к ним было чревато. Мало ли чем они были известны? Вдруг на досуге потрошили собачек и не только? Нет уж, мне чужой славы не нужно, мне бы своей не заработать.

За разговором мы дошли до кабинета, на котором висела важная латунная табличка «Соболева Ксения Андреевна. Директор».

– Проходите же, – широко улыбаясь, распахнула она перед нами дверь. – Поговорим, обсудим.

– Я бы хотела осмотреть свою гримёрку, – сурово сказала мисс Мэннинг и сдвинула брови. – Возможно, в дальнейших переговорах уже не будет необходимости.

Она застыла перед кабинетом, справедливо решив, что это не то помещение, которое ей нужно, поскольку вместо зеркала и гримировального столика там находились письменный стол, несколько книжных шкафов и сейф, окутанный чёткими сложными магическими плетениями. Здесь есть что держать в сейфе? Никогда бы не подумала!

– Первым делом мисс Мэннинг хочет удостовериться, что гримёрка соответствует её требованиям, – пересказала я просьбу нанимательницы, немного смягчив слова.

– Боги мои, да чего ж ей не соответствовать? – удивилась Ксения Андреевна. – Никто не жаловался. Нет, я прекрасно понимаю, что мисс Мэннинг – величина мирового уровня.. Вы переводите, переводите.. но

мы сделали всё, чтобы ей было комфортно в нашем скромном театре. К сожалению, постоянной труппы у нас сейчас нет, поэтому мы выделили ей лучшее помещение.

– Хм... – сказала мисс Мэннинг и посмотрела на потолок. Но тот был чист и не имел ни малейших повреждений. – Давайте всё-таки туда пройдем.

По всей видимости, оскорблённая дива искала повод либо разорвать контракт с Песцовым, либо получить от него извинения. Выглядела сейчас она холодной и неприступной, словно айсберг, что ещё усиливалось белоснежным песцовым палантином на плечах, и комплименты Соболевой её никак не смягчали. Напротив, с каждым восхвалением мисс Мэннинг всё больше преисполнялась чувством собственной значимости и всё больше убеждалась, что слишком хороша для этой дыры. Дыры, где даже нет собственных театральных представлений.

Гримёрка оказалась на удивление приличной. В левом углу стояла резная вешалка, в правом – корзина, полная розовых роз какого-то экзотического сорта, одуряюще пахнувшего. Я было подумала, что цветы, от которых сразу хочется чихать и шмыгать носом, вполне могут послужить поводом для скандала, и внутренне напряглась. Но мисс Мэннинг к розам отнеслась с одобрением и не приказала убрать. Как я узнала потом, это было одним из её требований к месту выступления. Она достала из муфты сантиметровую ленту и тщательнейшим образом перемерила помещение и зеркало на гримировочном столике. К её глубокому сожалению, они тоже оказались не меньше требуемых. И даже светильник у зеркала, работающий на магии, был исправен и давал ровный тёплый свет.

– Мы же всё сделали как нужно? – чуть заискивающе поинтересовалась Соболева. Ох, кажется мне, что со старшими в роду она общается очень редко, если вообще общается. Тем, кто в фаворе, не выделяют неработающее предприятие. – Если есть какие-нибудь недочёты, мы непременно исправим.

– Хм... – бросила мисс Мэннинг и огляделась. – А почему здесь такое маленькое окно?

– Ради вашего удобства, – неуверенно сказала Соболева. – И дуть не будет, и никто лишний не полезет.

– А что, бывает кто-то залезает? – удивилась певица. на которую вид и аромат роз произвёл воистину успокаивающее действие.

– Мы всячески пытаемся обеспечить вашу безопасность, – после краткой заминки ответила Соболева, так и не решившая, что будет лучше: сказать, что к ним никто не залезает и тем самым показать, что окно могло быть и побольше, или сказать, что лазят постоянно и попортить репутацию

собственного города. – Мы уверены, что никакие меры предосторожности не будут лишними, когда речь идёт о столь красивой и талантливой певице, мисс Мэннинг. Анна Дмитриевна, вы в точности перевели мои слова?

– В точности, – подтвердила я.

Да это было понятно и по виду мисс Мэннинг, которая наконец начала оттаивать и смотреть на собеседницу всё с большей благожелательностью. За чаем, на который Соболева её таки уговорила, они болтали уже почти как две близкие подруги. Почти – потому что общение шло через меня, а то бы они непременно развернулись. Во всяком случае опосредованность общения не помешало им обсудить пару политических сплетен, до которых обе оказались весьма охочи. Я же в их полунамёках была не сильна. Строго говоря, я почти ничего не понимала, хотя тщательно вслушивалась и запоминала: мало ли что пригодится, когда скрываешься от одного из кланов.

Наконец подошла аккомпаниаторша, чем-то напомнившая Тамару Яцкевич, такая же худенькая и терявшаяся в присутствии посторонних. Но за роялем она развернула плечи, и музыка из-под её пальцев полилась широким красивым потоком. Мисс Мэннинг начала репетицию, а мы с Ксенией Андреевной устроились в середине зрительного зала, кстати, не такого уж маленького. Голос певицы оказался богатым, бархатным, я бы даже сказала завораживающим. Арии были незнакомы, но послушать мне не дали.

– Так что случилось с Песцовым? – прошептала Соболева. – Не поверю, что он сорвался из-за очередной артисточки. Вы же из Ильинска приехали? Ходят слухи, что у Рысьиных на выданье весьма перспективная девица, а Песцову отказали от дома. Там что-то было? Ну, между ним и Рысьиной?

Я в полном обалдении повернулась в директрисе. Её глаза поблескивали в полумраке жадным любопытством. Да, такой что ни скажи

– всё обратит против.

– Понятия не имею, – ответила я почти равнодушно. – Я в Ильинске проездом, и даже не знаю, виделись ли вообще господин Песцов с госпожой Рысьиной.

– Но не просто же так ему от дома отказали? – продолжала допытываться Соболева. – Точно в этом замешана младшая Рысьина. Помяните моё слово: если в ближайшее время состоится свадьба, то менее чем через год в их семействе прибавится один песец. Уж этот прохиндей своего не упустит, поверьте.

– Нельзя ли потише?! – капризно крикнула мисс Мэннинг. – Дамы, вы мне мешаете.

– Молчим, молчим, – заверила её Соболева, заговорщицки мне подмигнула и прошептала: – Чувствует, что любовник остыл. Ревнует. Я бы на её месте тоже ревновала к сопернице с двумя ипостасями. Кто она и кто мы? Ой, простите, милочка, я не хотела вас обидеть.

Но я не обиделась. Я испугалась: если моё имя действительно связывают с именем Песцова, то какие слухи разлетятся, когда выяснится, что я пропала в тот же день, когда Песцов уехал из Ильинска? Конечно, княгиня вряд ли свяжет моё исчезновение с этим типом, но всё же... Всё же мне совсем не хотелось, чтобы когда-нибудь выплыло на всеобщее обозрение, что я покинула город именно с ним. Подробности придумают такие, что существование мисс Мэннинг окажется похоронено под толстым слоем выдумок.

Глава 4

Песцов появился только на следующий день, когда мы с нанимательницей позавтракали и спустились в холл, поскольку она

выразила желание пройтись и осмотреть город. Он ворвался сгустком энергии и выглядел довольным даже не как песец – как слон. Окинул меня пренебрежительным взглядом и заявил, что до обеда они с мисс Мэннинг прекрасно обойдутся без переводчика.

– Сходите, Анна Дмитриевна, погуляйте по городу, – насмешливо бросил он. – Когда ещё у вас выдастся свободная минута.

– Меня нанимали не вы, а мисс Мэннинг, – возразила я. – Следовательно, и распоряжается моим временем тоже она.

Но Песцов уже наклонился к уху певицы, которая, недовольно поджав губы, слушала незнакомую речь, и заворковал на привычном ей английском про красоту утра, города и самой мисс Мэннинг. И что все эти три красоты непременно должны сойтись вместе.

– У меня репетиция перед вечерним выступлением, – с лёгкой долей кокетства возразила певица.

– Дорогая, госпожа Соболева мне рассказала, с какой самоотдачей вы вчера всё проверили и прорепетировали. Лишнее напряжение связок перед концертом вредно. Но если хотите, после обеда мы с вами зайдём на часок в театр.

Он поднёс её ручку, в тончайшей кружевной перчатке, ко рту и нежно прикоснулся губами. Картина была идиллическая, но мне почему-то подумалось, что удовольствия ему вряд ли это доставило: целовать ткань наверняка не слишком приятно. Вдруг она пыльная или грязная? Словно в подтверждение моих слов Песцов неожиданно чихнул и с неприязнью посмотрел на меня.

– Филиппа, дорогая, уверен, у меня аллергия на вашу переводчицу.

– Возможно, это у вас так проявляется простуда? – невинно поинтересовалась я. – Бегали же вы где-то вчера весь день. А сейчас лето. Подмёрзли, переохладились – и вот результат.

Мисс Мэннинг отскочила от Песцова как ошпаренная.

– Дмитрий, как вы могли подойти ко мне с инфлюэнцей? – возмутилась она. – Мне нельзя болеть. У меня гастроли и контракт. С вами контракт. Если я заболею, буду считать нарушением контракта вашей стороной, поскольку заразили меня вы. Уходите, и чтобы я вас не видела, пока не выздоровеете.

– Филиппа, да я совершенно здоров! – рявкнул Песцов так, что мне захотелось вжаться в стену и исчезнуть. – Не слушайте вы эту... свою переводчицу. Она вам ещё не того переведёт и придумает.

– Чихали же вы не просто так? – настороженно напомнила не желавшая успокаиваться певица. – Мне чихать никак нельзя.

– Ко мне в нос что-то попало. И это что-то – не инфлюэнца! – буркнул Песцов. – Филиппа, дорогая, давайте прогуляемся. А потом я отведу вас на обед в одно примечательное место. Уверен, вам понравится. А миссис Павлову мы оставим тут.

Он взглядом пригвоздил меня к стене, одним видом намекая, что если я брякну что-то неподходящее, то пришпилит по-настоящему и оставит украшать моей мумией данную гостиницу. Княгиня говорила, что кланы над законом, не хотелось бы проверять, насколько высоко они над ним расположились и могут ли поплёвывать вниз. И меня не успокоит даже то, что моя смерть ему даром не пройдёт. Рысьины не простят моё убийство какому-то там Песцову. И тогда точно выяснится, что я их Ильинска уехала именно с ним. А это непременно обидит Николая. Он точно поймёт всё неправильно.

– Анна, до обеда вы свободны, – милостиво кивнула мисс Мэннинг.

– До концерта, – поправил Песцов. – Милая, зачем она нам на обеде?

Ясно, он просто хочет на мне сэкономить. Я чуть презрительно улыбнулась, давая понять, что разгадала его задумку. Мелкая экономия, недостойная представителя крупного клана. На певичках-то он не экономит. Впрочем, я ничуть не расстроилась. День вчера выдался напряжённым, спать, перекинувшись в рысь я не рискнула, лишь чуть-чуть размялась утром. Зато сейчас они уберутся, и я побегаю по номеру. Или сначала купить мячик, а потом побегать?

– Хорошо, до концерта, – согласилась мисс Мэннинг. – Но если вы меня опять обидите, Дмитрий...

– Я? Вас? Филиппа, как вы могли такое обо мне подумать? – оскорбился Песцов. – А вот вы постоянно пытаетесь меня обидеть.

Скажите спасибо, что я умею держать себя в руках...

– Хм... – Мисс Мэннинг выразительно подняла свои чётко очерченные брови. Говорить спасибо она точно не собиралась. – Дмитрий, так мы идём?

– Одну минуту, дорогая.

Песцов снял руку дивы со своего локтя, на которой та уже успела уютно устроиться, и опять поцеловал. В этот раз я заметила, что настоящим

поцелуем там не пахло: просто лёгкий чмок воздуха прямо над тканью. Вот ведь... песец!

Тем временем Песцов деловито подошёл к портье и наклонился к нему,

собираясь узнавать что-то втайне от нас. Подслушивающее плетение сорвалось с моей руки само, и мне оставалось только порадоваться, сколь быстро и точно оно теперь получается.

– Послушайте, милейший, – прошептал Песцов, двигая купюру невидного мне отсюда достоинства в сторону портье, – не могли бы вы мне помочь в одном деликатном деле?

– Разумеется, – не моргнув глазом, ответил милейший, и купюра совершенно волшебным образом дематериализовалась со стойки. – К вашим услугам. Но если вы беспокоитесь о мисс Мэннинг...

– Что вы, что вы, мне не нужно подробностей её личной жизни, – сразу откrestился Песцов.

– Так нет никаких подробностей, – с сожалением сказал портье, явно расстроенный, что сплетни не получается. – К мисс Мэннинг только цветы приносили, и те от театра.

– Я же сказал, речь не о ней, – раздражённо прошипел Песцов. – Меня интересует, кто в гостинице сейчас из наших, клановых.

– Только вы, господин Песцов-с, – угодливо склонил голову портье.

– Я про дам.

Песцов оглянулся, проверяя, не подошёл ли кто сзади убедиться в том, что кто про что, а он всё про дам. Я торопливо отвела глаза, чтобы он не понял, что я подслушивала разговор. А разговор занимательный. Понять бы, зачем ему к мисс Мэннинг ещё дамы? Ему что, одной не хватало?

– Про дам? – удивился портье. – У нас сейчас из дам сейчас только мисс Мэннинг и её переводчица.

При этих словах Песцов опять обернулся на меня, но я уже была начеку и старательно притворялась, что изучаю картину на стене. Картина была так себе, мазня мазнёй, с нарушением перспективы и неестественными цветами, поэтому привлечь могла разве что дальтонику. Но изучала я её так, словно собиралась писать статью для местного «Вестника живописи», или как он там называется? Владимир Викентьевич получал только новостные издания да пару специализированных целительских, но я была уверена, что существуют журналы, посвящённые живописи, и вот им непременно нужны тематические статьи.

– Дмитрий, вы скоро? – проявила нетерпение мисс Мэннинг.

– Дорогая, маленький организационный вопрос, – он белозубо улыбнулся певице, показывая своё к ней расположение, и продолжил

допытываться у портье: – А из женского персонала вы нанимали

В
последний месяц кого-нибудь нового?

– У нас за последние полгода никаких изменений в персонале не было,

– твёрдо ответил портье, по виду которого становилось понятно, что он раздумывает, не вернуть ли купюру. – Мы абы кого с улицы не берём, платим хорошо, у нас за места держатся. И если у вас что-то пропало...

– Да я не о том, – махнул на него рукой Песцов. – Просто в воздухе витает что-то такое, неопределённое... Причём то витает, то нет.

В его голосе слышалось явственное огорчение, я же поняла, что оборачиваться в номере пока не стоит: этак понюхают некоторые гостиничный воздух, а потом придут ко мне по запаху, а я не для того сбегала из Ильинска, чтобы вернуться туда с Песцовым. Отводящий щит на второй ипостаси я долго не удержу. Вот ведь, нюхач какой нашёлся, а с виду почти приличный господин...

– Как вы думаете, Анна, о чём так долго говорит Дмитрий? – спросила уже у меня мисс Мэннинг.

– О женщинах, – уверенно ответила я, ничуть не покривив душой. – Смотрите, какие вдохновенные лица у обоих.

– И мне так кажется, – отметила мисс Мэннинг, согласившись то ли с моим мнением, то ли с вдохновенным видом переговорщиков. – Но о каких женщинах они могут так долго болтать?

– Кажется, там звучало ваше имя. Может быть, мистер Песцов хочет подготовить вам сюрприз?

– Хм... – чуть искривила губы мисс Мэннинг. – С Дмитрием никогда не знаешь, каким окажется этот сюрприз. Право, лучше бы без него. Но смотрела она теперь на Песцова не настороженно, а с ожиданием.

Ювелирным таким ожиданием. Или меховым... Цветочные-то у неё выполнены и в театре, и в гостинице. Сюда приволокли аж две корзины, и я в номер мисс Мэннинг теперь заходила с опаской, потому что нос сразу закладывало.

– Тогда я пойду, мисс Мэннинг? – уточнила я, видя, что разговор у Песцова с портье заканчивается и он вот-вот вернётся к нам и будет опять корчить недовольные рожи в мою сторону.

– Идите, – бросила она, даже не глядя. – Подойдёте к представлению сразу к театру, чтобы мне вас там не ждать.

Сказала, и тут же про меня забыла. На её лице засияла улыбка

предвкушения сюрприза. Бедный Песцов, опять он из-за меня пострадает. То есть пострадает-то он, конечно, из-за неоправданных ожиданий мисс Мэннинг, но возникли-то они из-за моих слов.

Я бочком по стеночке покинула холл, ещё успев заметить, как Песцов разочарованно отошёл от портье, развеяла заклинание и пошла к себе. От мысли выгулять рысь пришлось отказаться, зато я задумалась, насколько опасно продолжать поездку в компании мисс Мэннинг. Этак Песцову пахнёт раз, другой, потом он сложит свои обонятельные проблемы с пропажей наследницы у Рысьиных и... Дальше воображение мне отказывало, я слишком плохо знала Песцова, чтобы понять, обрадует ли его неожиданный подарок судьбы или он предпочтёт сделать вид, что подарок предназначен другому?

В номере я немного пометалась, а потом решила прогуляться и купить газет. Узнать, какую награду за меня назначила родная бабушка. Во сколько она оценила свою пропажу.

Моя нанимательница и Песцов уже ушли, что порадовало. А ещё порадовало, что газеты удалось купить совсем рядом с гостиницей у мальчишки разносчика со столь звонким и сильным голосом, что наверняка бы перекричал и мисс Мэннинг, если бы той вдруг вздумалось продавать газеты.

А вот то, что в новостях про меня не было ровным счётом ничего, неприятно удивило. Новости были свежими, поскольку приходили по телеграфу и тут же печатались, утоляя желание местных жителей быть в курсе всех сплетен: и столичных, и соседских. Я находила упоминания о самых мелких клановых новостях. Даже вчерашний карточный вечер у графини Орловой в далёком Урюпинске нашёл место в газетных новостях. А вот обо мне – ни строчки. Неужели я настолько огорчила бабушку, что она опять выставила меня из клана? Хорошо, если так. Но мне кажется, такое действие не обошлось бы без визуальных эффектов, на которые я непременно обратила бы внимание, и потом, это было бы слишком просто. Наверняка Рысьина решила не разжигать скандал, а вернуть меня в лоно семьи так, чтобы никто не заметил, что я оттуда исчезала. То, что мне не придётся скрываться ещё и от желающих обогатиться, сдав меня Рысьиным, радовало. Но было совершенно непонятно, что же задумала княгиня. Судя по газетам, приготовление к балу в поместье шло полным ходом. Только кого они будут представлять вместо меня? Закамуфлированного Юрия?

Я представила, как он закрывает веером усы, которые ни за что не согласится сбрить, нервно хихикнула и отбросила газеты. Если уж выдалось свободное время, нужно позаниматься, хотя бы в теории. Практикой-то тут не займёшься! Хотя смотря чем, конечно: от иллюзий большого вреда не будет. Но по иллюзиям раздел был очень короткий и специфический, и фактически всё, что в нём было, я уже освоила. Ничего лучше, чем

использованное мной заклинание, армейский учебник не предлагал.

Никакой комплексной маскировки, одна маскировочная маска. По-видимому, остальное предполагалось добирать подручными средствами. Действительно, слети заклинание в неподходящий час, лицо можно прикрыть веером, шарфиком, наконец, в меха закутаться по брови. А вот изменившуюся фигуру и одежду так не скрыть.

По всему выходило, права княгиня: лучшие заклинания хранятся внутри кланов и не передаются чужакам. Или... придумываются самими магами, как это делает Волков. И тоже хранится в тайне от посторонних, магического зрения которых недостаточно для изучения чужих плетений. Но если просто тупо копировать чужое, своего не придумаешь, а армейский учебник всё же больше делал упор на приложение заклинаний, чем на комбинирование и его последствия. По некоторым связкам просто говорилось, что их лучше не применять, но почему – не указывалось.

Я сходила на обед, потом прогулялась до магазина с канцелярией и прикупила тетрадь с карандашом. Состояние было странным: не надо было никуда торопиться, не надо было ничего срочно делать, и не надо было ни от кого убегать. И всё же внутренняя напряжённость не позволяла окончательно расслабиться.

– Анна Дмитриевна? Какая неожиданная встреча! – Соболева возникла на моём пути неожиданно и сразу подпёрла бюстом к стене. – Гуляете?

– Добрый день, Ксения Андреевна. Гуляю, – согласилась я.

– Да какой же он добрый, – закатила она глаза. – Столько проблем. Столько проблем. И у нас в театре. И у соседей. Вот, из Ильинска новости пришли. Тревожные.

Сердце забухало в предчувствии неприятностей.

– Какие? – я спросила вроде небрежно, но руки сами собой судорожно сжались.

– Говорят, что с отъездом Песцова рысьинская девица слегла, – громко прошептала Соболева, вращая глазами для пущей важности. – Рысьины объявили, что у неё лихорадка. Понимаете, что это значит?

Руки чуть разжались, и я порадовалась, что они были в муфте, а тетрадь если и помялась, то самую малость. Карандаш вот только сломался. Но ничего, буду считать, что у меня два карандаша. Совсем небольшая плата за прояснение ситуации с моими поисками.

– Что?

– Что она по уши влюблена в Песцова, – лихорадочно зашептала

Соболева. – Почахнет так неделю-другую, княгиня смирится и согласится на их брак. Всё равно внучка уже скомпрометирована.

– Возможно, они и не встречались ни разу, – пробурчала я.

Не могли мне подобрать кого-нибудь попримечнее, если уж решили скомпрометировать.

– Вы сами-то в это верите, Анна Дмитриевна? – по-доброму улыбнулась Соболева.

Прямо как гиена перед тем, как вцепиться в ослабевшую жертву. Но я жертвой пока не была и становиться ею не собиралась.

– Господин Песцов не выглядит страдающим по оставленной в Ильинске девушке, – заметила я. – Да и не похож он на завзятого сердцееда.

– Ой, Дмитрий Валерьевич никогда не страдает. Он знает, что если захочет, сможет добиться любой, – хитро улыбнулась моя собеседница и придвинулась ко мне совсем тесно, всем своим видом намекая, что могла бы рассказать кучу сплетен, если я вдруг захочу.

Я не хотела.

– Мне кажется, он сейчас вполне удовлетворён обществом мисс Мэннинг. Она такая красивая, такая талантливая, с тонкой душевной организацией, – завела я панегирик нанимательнице.

– С тонкой душевной организацией? – внезапно оживилась Соболева.

– С тончайшей, – чуть настороженно подтвердила я, не понимая, куда гнёт эта дама.

– Милочка, так это же то, что нам так нужно, – возбуждённо сказала Соболева. – У мисс Мэннинг наверняка есть способности медиума.

– Возможно.

Соболева ухватила меня за руку чуть выше локтя.

– Анна Дмитриевна, вы мне должны помочь.

– С радостью, Ксения Андреевна. – Я чуть дёрнула рукой, намекая, что держать меня совершенно излишне, всё равно я далеко не убегу в этой неудобной юбке. – Что я могу для вас сделать?

– Уговорить мисс Мэннинг, разумеется, – умоляюще сказала Соболева. – Мне нужен медиум. В моём салоне ещё ни разу не получалось удачного спиритического сеанса. Сами понимаете, для меня это очень важно. Злопыхательницы уже шепчутся, что дело во мне. Мол, мой зверь слишком слабый, представляет?

– Какой ужас, – сказала я, совершенно не представляя, чем это может грозить Соболевой. – Но ведь мисс Мэннинг может и не оказаться медиумом.

– А мы проведём пробный сеанс, – деловито предложила собеседница, – Мисс Мэннинг, я, господин Песцов и вы.

Глава 5

Концерт удался. Пусть мисс Мэннинг пела под аккомпанемент всего лишь рояля, создавалось впечатление, что вместо него был целый Симфонический оркестр. Оказалось, на репетиции она работала, не слишком напрягая связки, и сейчас её прекрасный бархатный голос плыл по застывшему в восхищении залу, в полной мере передавая всё, что вкладывала певица. В этот раз я не сидела сторонним зрителем, а стояла за кулисами, поэтому в полной мере могла наблюдать за всем. За мисс

Мэннинг, вдохновенно отдающей всю себя залу. За залом, заворожённо слушающим певицу. За всхлипывающей от избытка чувств горничной, прижимающей к груди саквояж с вещами, жизненно необходимыми мисс Мэннинг. Песцову насладиться в полной мере выступлением мешала Соболева, которая тоже не устроилась в зале, а вцепилась в организатора

концерта обеими руками, словно он мог испариться вместе с подопечной, и что-то ему бубнила в ухо. Песцов им нервно подёргивал. Наверное,

стряхивал лапшу, когда той становилось слишком много. Время от времени он страдальчески кривился и косился то на мисс Мэннинг, то на

надоедающую ему Соболеву, отделаться от которой воспитание пока не позволяло.

– Ксения Андреевна, – не выдержав, прошипел он. – Давайте поговорим после концерта. Вы мешаете Филиппе.

Как раз в этот момент мисс Мэннинг закончила петь арию и зал взорвался аплодисментами и воплями: «Браво» и «Бис». На сцену втащили очередную корзину с розами, коих уже скопилось за кулисами столько, что впору нести назад в цветочную лавку и сдавать на вес. Интересно, тут это практикуется? Не думаю, что мисс Мэннинг понадобится вся эта цветочная гора, разве что она или её горничная добывают домашними методами розовое масло для отдушки.

– Дмитрий Валерьевич, но это так для меня важно, – заныла Соболева. – Почему вы такой упрямый? Вот Анна Дмитриевна меня поняла и даже пообещала посодействовать.

Ничего такого я не обещала, но это не помешало Песцову обернуться ко мне и хмуро посмотреть. Я отрицательно помотала головой, показывая, что к развлечениям Соболевой отношения не имею и не слишком хочу иметь, но

он мне, кажется, не поверил.

– Подумайте, – тем временем важно вещала дама, – ведь и самой мисс Мэннинг этот опыт будет чрезвычайно полезен. Новые впечатления

всегда благоприятно влияют на развитие творчества.

– Мисс Мэннинг и без того прекрасно развита, – раздражённо бросил Песцов. – А сейчас вы беспардонно мешаете мне наслаждаться её концертом.

Соболева приложила носовой платок к носу и громко всхлипнула. Так громко, что привлекла внимание не только нас с Песцовым, но и мисс Мэннинг, которая встревоженно повернулась к нам, не переставая петь. Песцов ей засемафорил, что ничего страшного не происходит: обычное дело, поклонница расчувствовалась.

– Извините, Ксения Андреевна, я не хотел вас обидеть, – попытался он смягчить свои недавние слова, готовый на всё, или почти на всё, лишь бы та затихла.

– Не хотели, но оби-идели, – протянула Соболева, старательно дрожа голосом и всхлипывая.

По артистизму сравнения с мисс Мэннинг она не выдерживала: пусть пышная грудь и неравномерно вздымалась, показывая удерживаемые рыдания, но глаза оставались абсолютно сухими, а уж оценивающий взгляд говорил, что внешние события Соболеву занимают куда больше внутренних переживаний.

– Ксения Андреевна, – закружил вокруг неё Песцов, чуть ли не обметая хвостом юбки. Чуть ли – потому что хвоста пока не было, но судя по тому, что сам Песцов выглядел уже взведённым донельзя, от оборота его удерживала самая малость. – Вы уж простите меня неразумного. Но когда мисс Мэннинг начинает петь, всё иное полностью покидают мою бедную голову. Иначе я ничем не могу объяснить свою грубость по отношению к вам, такой красивой и воспитанной даме. Если я могу что-то для вас сделать, вы только скажите.

Сейчас он действительно был готов на всё, лишь бы собеседница заткнулась и прекратила мешать певице. Соболева в последний раз всхлипнула и протянула, манерно растягивая гласные:

– Вы же поговорите с мисс Мэннинг, Дмитрий Валерьевич, о моей маленькой просьбе? Вам это ничего не стоит, а я буду так благодарна, так благодарна...

Платок она не убирала, наверняка готовясь в случае отказа опять пустить его в ход, имитируя страдания. Песцов с тоской посмотрел на сцену, где мисс Мэннинг уже готовилась исполнять следующий номер.

– А почему бы вам самой не поговорить об этом с мисс Мэннинг?

– Дмитрий Валерьевич, да ведь к вашим словам она скорее прислушается, – умоляюще сказала Соболева.

Теперь стало понятно, почему ни ей, ни Песцову не нашлось места в зале: Соболева хотела планомерно его обрабатывать, что было бы невозможно ни в партере, ни в ложах, которые обе казались забитыми под завязку. Зря я обвинила её в отсутствии артистизма: как удручённо она извинялась, твердила, что никак не может взять в толк, как так получилось, что совершенно не осталось свободных мест. Впрочем, вполне возможно, что она оставляла, только перед доводами в виде шелестящих купюр или других вариантов убеждения была вынуждена с ними расстаться. Уж очень много желающих оказалось послушать мисс Мэннинг, стулья стояли даже в проходах, а единственный незанятый театральный находился в гримёрке. Кресло Соболевой из её кабинета, и то было втащено в одну из лож, и сейчас в нём сидел весьма важно выглядящий господин. Возможно, сам князь Соболев, если вдруг его сюда занесло.

Тем временем вступление проиграли, мисс Мэннинг бросила на нас недовольный взгляд и приступила к исполнению новой арии.

– Так как, Дмитрий Валерьевич?

– Давайте поговорим после концерта, – страдальчески скривился он.

– После концерта вы и думать обо мне забудете, – заскулила Соболева, готовясь опять прикрывать платком несуществующие слёзы. – Пообещайте, что попросите мисс Мэннинг, ну что вам стоит, Дмитрий Валерьевич?

– Обещаю, – сквозь зубы выдавил Песцов и раздражённо дёрнул ухом.

– И сами примете участие.

– Хорошо. Но только если не услышу ни единого слова от вас до конца концерта.

Он оскалил зубы столь угрожающе, что Соболева аж отпрыгнула, после чего он потерял к ней всякий интерес и опять устался в восхищении на сцену. Соболева же деловито заозиралась, потом подозвала к себе мужика, в котором я узнала встретившего нас вчера, пусть он одет был уже не на старинный лад, а вполне себе современно. Начальница что-то зашептала своему подчинённому, тот в ответ недовольно забубнил. Она шикнула, наверное, опять пообещала, что уволит, и ногой притопнула, после чего испуганно покосилась на Песцова, но тот даже не дёрнулся в её сторону.

Мужик вздохнул, посмотрел укоризненно и куда-то ушёл, а его начальница обессиленно прислонилась к стене. Вот так: спиритического сеанса ещё не было, а его зачинательница утомилась до такой степени, что ноги не держат.

Я в упор не помнила, любила ли я оперу раньше, в той жизни, но в этой искренне наслаждалась вокалом мисс Мэннинг. И не только я: зал

заорожённо внимал переливам её голоса, не было слышно даже дыхания,

не говоря уже о разговорах или кашле. Песцов так вообще подался вперёд, поедая певицу глазами и чуть ли не облизываясь. Магия не действовала только на Соболеву: она явно маялась у стены, вздыхала, поднимала глаз к потолку и шевелила губами. Возможно, подсчитывала прибыль от концерта, а возможно – время, оставшееся до его конца. В любом случае она молчала, что само по себе было замечательно.

Концерт затянулся. Программа давно закончилась, но зрители в который раз умоляли мисс Мэннинг спеть что-нибудь ещё, и она снисходила к их просьбам. Соболева начала нервно пристукивать каблуком, но замерла сразу, как только Песцов к ней повернулся, и встретила его полной неподвижностью и сладко-вопросительной улыбкой. Рот открывать в недоуменном вопросе она предусмотрительно не стала.

На сцену неожиданно забрался какой-то хлыщ и, припав на одно колено перед мисс Мэннинг, страстно заговорил, пытаясь облобызать обе руки певицы.

– Ой, уведут, – испуганно выдохнула Соболева, подавшись к Песцову своим могучим бюстом. – Дмитрий Валерьевич, как есть уведут мисс Мэннинг. Куда же вы смотрите?

Песцов сразу развернулся от неё, чертыхнулся и скомандовал опускать занавес. Как назло, что-то там в механизме заело, он скрежетал, но ни в какую не хотел проворачиваться. Тем временем на сцене разыгрывалось целое представление. Мисс Мэннинг безуспешно пыталась выдрать руку у слишком активного поклонника её ли, её ли таланта, что, впрочем, не существенно в данном случае. Она что-то успокаивающе говорила, и с её лица не сходила улыбка, которая казалась намертво приколоченной. Но вот взгляды, которые она бросала на нас, явно были умоляющими. Песцов самолично дёрнул рукоятку, и занавес свалился на сцену, словно только и ждал, когда его наконец уронят.

– Боги мои, вы же сломали механизм, – возмутилась Соболева.

Она бросилась к рукоятке и подёргала, но та заклинилась намертво.

– Его сломали до меня, – бросил уже на бегу Песцов.

Я последовала за ним, справедливо полагая, что моя помощь может понадобиться скорее мисс Мэннинг, чем Соболевой, которая для дёрганья рукоятки переводчик не требовался.

Поклонник стоял на коленях уже двумя ногами, но скорее для устойчивости, потому что амбре от него несло... хорошенькое такое амбре спиртоперегонного заводика, маленького, но работающего без остановки. Уставившись на мисс Мэннинг покрасневшими глазами, он беспрестанно твердил:

– Богиня. Сирена, заманившая в свои сладкие сети Одиссея. Звезда на моём небе. Снизойдите ко мне, о прекраснейшая!

– Дмитрий, что он говорит? – испуганно спросила мисс Мэннинг, пытаясь вернуть руку себе.

Но поклонник держал её крепко. Наверное, боялся свалиться без дополнительной опоры. Впрочем, с опорой он тоже покачивался.

– Делится историями из древнегреческой мифологии, – бросил Песцов.

Он толкнул соперника так, что тот не удержался и полетел на пол, потащив за собой мисс Мэннинг, которая завизжала ничуть не тише, чем пела раньше. Народ за занавесом заволновался, раздались крики:

«Убивают!», «Пожар!» и почему-то «Воры!» Но лезть сюда и проверять, что случилось, никто не торопился, напротив, вопли удалялись, причём частота их усиливалась, а в криках начал лидировать пожар, пока не победил полностью.

Но если это и волновало кого, то только Соболеву, которая почему-то тоже испуганно запищала: «Пожар» и забегала вокруг Песцова

с неизвестным поклонником певицы, которые учинили самую настоящую драку. Кто ударил первым, я не видела, поскольку пыталась успокоить мисс Мэннинг, которая только чудом не сорвалась в истерику после того, как чуть не свалилась на пол в компании пьяного.

– Господа, прекратите немедленно, – сменила пластинку Соболева, которую лёгкая круговая пробежка привела в чувство. – Дмитрий Валерьевич, я вам говорю!

Она ухватила Песцова за рукава, этим воспользовался его соперник и съездил Песцову по уху. Метил-то он в нос, но Песцов успел отклониться, поэтому не сильно пострадал.

– Ксения Андреевна! – прорычал он почти как Львов. – Вы моей смерти хотите?

– Да нет же, – испугалась она и взвыла как пароходная сирена. – Гришка!

Я было подумала, что она напрасно зовёт того, кого не так давно отправила по делам. Но нет: мужик подскочил и преданно уставился на директрису, вытянув руки по швам и ожидая команды. Соболева его не разочаровала:

– Быстро хватай того господина за шиворот. И выбрось его из моего театра! Вон! Немедленно. Ишь, удумал скандалы у меня устраивать.

Скандалист попытался было воспрепятствовать своему разъединению с дамой сердца, к которой он тянул руки со словами мольбы непонятно о чём,

но Гришка встряхнул его так, что раздался лязг зубов, и поволок на улицу. И то дело: этому господину точно нужно было остыть.

– Богиня! – взвыл он напоследок. – Услада сердцу моего! И очей! И протрезветь.

– Какой кошмар! – с чувством сказала мисс Мэннинг. – Куда смотрит полиция? Дмитрий, как вы могли быть столь жестоким?

– Он вас спасал, – встала я на сторону Песцова. – Он дрался как Геракл с немейским львом. И даже пострадал в борьбе.

Песцов смущённо дёрнул покрасневшим пострадавшим ухом. А я забеспокоилась, не посчитают ли мои слова намёком на правящую династию. Боже мой, я же совсем забыла, что у власти сейчас как раз Львовы. Но Соболева английский язык не понимала, а мисс Мэннинг вряд ли интересовали столь тонкие материи.

– Хм...

– Филиппа, я как мог, пытался вас оградить. Кто мог представить, что в театр пустят настолько нетрезвого типа? – И Соболевой по-русски: – Ксения Андреевна, почему на концерт пустили пьяного?

– Не могли пустить пьяного, – запротестовала Соболева. – Он наверняка уже здесь напился.

– У вас работает буфет? – удивлённо приподнял бровь Песцов.

– Нет, конечно. Нам буфет невыгодно держать. Но такие типы носят с собой фляжки. Расчувствовался во время выступления, выпил лишнего и пал жертвой таланта мисс Мэннинг. Мисс Мэннинг, вы были божественны сегодня. – Она ощутимо толкнула меня в бок и потребовала: – Анна Дмитриевна, переводите же. Вы здесь для этого.

– Анна Дмитриевна здесь не для того, чтобы переводить ваши глупости, – возразил Песцов и выразительно потёр ухо.

Но я не стала обострять ситуацию и перевела мисс Мэннинг слова Соболевой. И другие её восторженные глупости – тоже. Конечно, они были не от души, в отличие от пьяного представления неизвестного поклонника, зато куда менее травматичны для всех. К тому же прозвучавший намёк на полицию был для меня слишком тревожным, чтобы отмахнуться. Конечно, я взяла с собой оставшиеся после смерти мамы документы, в том числе её паспорт. Но тут меня все знают, как Анну Дмитриевну, а не как Ольгу Станиславовну. К тому же не факт, что нет ориентировки на задержание Седых. Нет, к общению с полицией я не готова: нет в моих учебниках ничего о ментальной магии, а без неё любой разговор опасен.

Понемногу мисс Мэннинг успокоилась, чему поспособствовала рюмка

коньяка «для нервов», по словам Соболевой, самолично притащившей фляжку из кабинета. Я выглянула в зал. Там уже никого не было, если,

конечно, не считать пары мужиков, деловито уволакивающих стулья. Возможно, следовало на это обратить внимание директрисы театра, но ту стулья сейчас волновали меньше всего.

– Анна Дмитриевна, прошу вас, переведите сейчас в точности. Мисс Мэннинг, мне так неудобно, что вы подверглись нападению в нашем театре,

– вдохновенно сказала она. – Поужинайте у меня, чтобы я могла хоть как-то загладить свою вину. Вы меня весьма обяжете, дорогая.

Она умоляюще улыбалась и предусмотрительно не заговаривала про спиритический сеанс. И правильно: после ужина, если тот будет вкусным, уговорить куда легче.

– Дмитрий? – обратилась к нему мисс Мэннинг, не в силах решить, соглашаться ли.

– Дмитрия Валерьевича я тоже буду рада видеть у себя, – совершенно правильно поняла её Соболева.

– Даже не знаю, – манерно вздохнула мисс Мэннинг. – Я так устала.

Концерт выпил меня до дна.

Но уставшей она не выглядела. Напротив, казалась помолодевшей лет на десять. словно впитала любовь поклонников и сейчас сияла мягким и тёплым светом. Около неё всем хотелось погреться. И ещё хотелось любви. Особенно Песцову.

– Филиппа, – почти промурлыкала она ей на ухо, – может, ну её, это старуху с её ужином? Пойдём к тебе в номер. Или ко мне. Закажем всё, что пожелаешь. Филиппа, счастье моё.

Ушко мисс Мэннинг, в которое шепталась эта ерунда, розовело, и взгляды, которые она бросала на поклонника, говорили лучше всяких слов, что ей идея Песцова пришлась по сердцу. Но это вовсе не означало, что она согласится на первое же его предложение. Поклонника следовало хорошенько поводить за нос.

– Дмитрий, мы идём ужинать к миссис Соболевой, – решила мисс Мэннинг и тряхнула головой. Страусиное перо на её причёске покачнулось, соглашаясь со всем, что говорит хозяйка. – Люблю домашние вечера. Там всегда так мило и спокойно.

Глава 6

Сразу уйти не удалось. Про вопли о пожаре мы успели благополучно

забыть, зато не забыли те, кто вопил. И не просто не забыли, а вызвали пожарных, которые, сияя ярко начищенными касками и размахивая баграми и топорами, вломились в театр, собираясь нас спасти от страшной участи сгореть заживо. Соболевой пришлось довольно долго им объяснять, что если что и загорится, то только завтра и только трубы у приставшего к мисс Мэннинг и, возможно, у того, кто вызвал пожарных. Потому что на трезвую голову такое сделать было никак нельзя, по её авторитетному мнению.

– Здесь защита ещё от старого князя, – возмущалась директриса. – И вы это прекрасно знаете.

По всей видимости, тушить театр собирались не в первый раз. И не в первый раз уходили ни с чем.

– А ещё мы знаем, что не так давно вы застраховались от пожара, – мрачно намекнул один из пожарных. – И ежели сгорите, то все неприятности достанутся только нам. А нам премия была обещана.

– Давайте мы что-нибудь потушим? – азартно предложил самый молодой из подъехавших. – Чтобы наверняка.

– Чтобы что-то потушить, нужно, чтобы сначала это что-то загорелось,

– заметила Соболева. – У нас ничего не горит. Не горит, – повторила она с нажимом и добавили: – И поджигать не нужно. А не то у вас не будет не только премии, но и зарплаты.

– Я ж как лучше хотел, – стушевался молодой и стыдливо спрятал за спину багор, которым ранее примеривался к ближайшей стене. – Чтоб, значица, ничего не запыляло.

– У нас не запыляется, – сурово бросила Соболева. – Да уберитесь вы наконец. Что о нас подумает гостья из Англии, мисс Мэннинг?

Мисс встрепелась, услышав своё имя и поощрительно заулыбалась, доставая запасённый карандаш. Наверняка решила, что поклонники за автографом пожаловали. Пришлось пояснить, что приехали разбирать театр по брёвнышку и очень недовольны, что им этого не дают сделать. Миссис Соболева, можно сказать, грудью встала на защиту своего здания. Не захотела становиться директрисой погорелого театра, пусть даже театром он был лишь формально.

– Что у них, пожаров не бывает? – проворчал старший наряда. – Должна понять. Мы же не за просто так, а по необходимости.

– И какая у вас необходимость отнимать дальше моё время? – ядовито спросила директриса. – Здесь ровным счётом ничего не происходит. Во всяком случае, в плане поджогов и пожаров. Но по первому пункту я начинаю уже беспокоиться. Полицию, что ли вызвать?

Она так задумчиво посмотрела на пожарных, что у тех пропало всякое желание препираться дальше, они нестройно попрощались и потопали на

выход, провожаемые бдительным Гришкой. Мисс Мэннинг разочарованно убрала карандаш туда, откуда его доставала, и гордо удалилась

В
гримёрку. Перо с причёски убирать, не иначе: на него зимнюю шапочку не наденешь, а без неё и уши отморозишь, и нос. За ней, как тень, последовала горничная.

Поскольку мы с Песцовым раздевались в кабинете Соболевой, то и пошли туда все вместе, хотя Песцов мыслями был явно не с нами, не зря же ему мисс Мэннинг выдала столь щедрый аванс взглядами и улыбочками. Не факт, конечно, что за авансом последует что-то посерьёзнее, но сейчас поклонник казался весьма воодушевлённым и даже не приставал ко мне и не огрызался на замечания Соболевой. По-моему, он их вообще не слушал, поглощённый мыслями о грядущей интрижке. Если он и устраивал гастролы только тем певичкам, с которыми у него был или намечался роман, то каждому роману отдавался с полной самоотдачей.

Когда мы вышли из театра, было уже совсем темно и всюду падал снег невесомыми белейшими хлопьями. Песцов поднял руку и поймал несколько, подул и они перелетели на мисс Мэннинг. Та игриво засмеялась и что-то прошептала поклоннику на ушко. Явно обнадеживающее прошептала, поскольку после её слов он стал выглядеть ещё более увлечённым.

Горничной же досталась всего пара отрывистых фраз, после чего та вздохнула и потопала к гостинице, сгибаясь под весом двух объёмных баулов и концертного платья в плотном полотняном чехле.

— Так мы идём? — проявила нетерпение Соболева и тут же сменила тон, сахарно заулыбавшись: — Мисс Мэннинг, я переживаю за ваш голос, не замёрзнет ли у вас ваше золотое горлышко. Зима у нас в России коварна к иностранцам. Анна Дмитриевна, переводите.

Песцов недовольно окрысился, явно мечтая, чтобы все, кроме него и певицы, провалились под землю, но я перевела мисс Мэннинг слова Соболевой. Певица с улыбкой признала их правоту, хотя мне показалось, что она предпочла бы погулять по городу в компании поклонника. После концерта она выглядела необычайно свежо и молодо, в общении с Песцовым появились флиртующие нотки. И вообще, рядом с этой парой я чувствовала себя лишней. Но недостаточно лишней, чтобы бросаться на амбразуру словесных очередей Соболевой, неминуемо обрушившихся бы на

меня, попытайся я обеспечить этой паре побег. Нет уж, мисс Мэннинг никто за язык не тянул соглашаться, вот пусть сейчас и отвечает. Я бы тоже лучше посидела, читая учебники, вместо того, чтобы переводить глупости, сыплющиеся изо рта Соболевой, словно горох из дырявого мешка: мелкие, частые, звонкие и бессмысленные.

Соболева жила совсем недалеко от театра. То ли дом подбирала поближе к работе, то ли работу — к дому. Конечно, вполне возможно, что жильё было служебным или просто так получилось совершенно случайно.

Чего только не бывает в этой жизни? Скажи мне пару дней назад кто-нибудь, что буду бродить по театральным закулисьям, в жизни бы не поверила. Где я, а где театр? Но склонности склонностями, а в моём положении уже хорошо, если кормят, платят и замуж не пытаются за кого попало выдать.

Увы, кормить пока не торопились. Похоже, произошла какая-то накладка, поскольку Соболева хоть и улыбалась нам, но на прислугу шипела, как титулованный аспид. Если у змей проводятся соревнования по шипению, Соболевой точно бы что-нибудь дп выделили: если не медальку, так грамоту, уж больно артистично она это делала.

Гостиная оказалась непривычно маленькой, но при этом не выглядела уютной. Создавалось впечатление, что ей практически не пользуются: в

воздухе уверенно висел запах пыли и застарелого нежилого помещения, пусть и выглядело всё чисто, а пыли не наблюдалось нигде. Даже

стеклянные полочки в горке были протёрты до блеска. И то, что на них стояло, тоже блестело. А стояла там коллекция фарфора: в основном дамы в пышных платьях или влюблённые парочки, весьма тонко сделанные и аккуратно раскрашенные. Верхняя же полка была отдана разнообразным ангелочкам, которые стояли, сидели, лежали и даже делали вид, что летают. Странная подборка: ангелы относятся к христианской церкви, которая тут является сектой. Точнее – сектами. Значит, Соболева – сектантка? Неожиданно. Или это не ангелочки, а амурчики и коллекция – дань древним мифам?

– Мейсенский фарфор, – гордо объявила Соболева, заметив, куда я гляжу. – Вы увлекаетесь фарфором, Анна Дмитриевна?

– Нельзя сказать, что увлекаюсь, – осторожно ответила я. – Но смотреть люблю.

– Боюсь, финансы Анны Дмитриевны не для таких увлечений, – заметил Песцов. – Хорошая у вас коллекция. Ценная.

Тут с вопросами полезла мисс Мэннинг, озабоченная тем, что разговор опять ей непонятен. После прояснений она внезапно заявила
о

превосходстве фарфора английского над немецким. Соболева заспорила, решив, что принижают ценность её коллекции. Она бросалась терминами, которых я не знала и переводила лишь приблизительно. Мисс Мэннинг ко мне оказалась куда более добра: она просто твердила с упрямством ослицы

«Веджвуд» как единственный неоспоримый довод. И этот довод сопровождала покачиванием головой и снисходительной улыбкой.

Соболева начинала злиться, и Песцов забеспокоился, поскольку хозяйка дома уже переставала собой владеть и впала в частичную трансформацию: речь её становилась всё более невнятной и шипящей, уши поменяли форму,

а над губой проклюнулись усы-вибриссы. Пока короткие и малочисленные, но уже узнаваемые и заметные.

– Ксения Андреевна, – ласково сказал он, встав так, чтобы полностью перекрыть обзор на горку с фарфором, – как поживает ваша племянница, Софья Даниловна?

Вопрос был выбран правильный: Соболева успокоилась тут же и нежно заворковала о Сонечке, которую воспитывала с младых ногтей и которая более чем какая-либо другая девица достойна стать нашей будущей императрицей. Мисс Мэннинг выразительно зевнула, показывая, насколько её интересует эта тема, но, слава богу, не предложила английского варианта на замену нашему отечественному, а то, боюсь, ничем хорошим это бы не закончилось. И всё же от шпильки она не удержалась.

– Меня поражает, миссис Соболева, что вы желаете такой участи своей родственнице, – манерно растягивая слова, почти пропела она. – Сейчас какую газету ни возьми – везде статьи о покушениях на правящие династии. Не боитесь за племянницу?

Соболева сурово сжала губы, готовя отповедь в духе: «Наша система охраны лучше, чем где бы то ни было», но внезапно лицо её озарилось, лоб прорезала скорбная поперечная морщинка, и хозяйка дома с немалым артистическим талантом простонала:

– Вы не представляете, как вы правы, мисс Мэннинг.

Проницательность в столь молодом возрасте – это столь удивительно и наверняка проистекает из вашей склонности к общению с духами.

Похоже, этот раунд остался за Соболевой: ей удалось до глубины души поразить мисс Мэннинг.

– Что? – удивлённо приоткрыла рот певица, когда я ей перевела. – О чём вы?

– Я имею в виду, что столь тонко чувствующие личности, как вы, мисс Мэннинг, наверняка куда легче входят в контакт с духами, чем мы, обычные приземлённые смертные, – с тяжёлым вздохом пояснила Соболева. – Как тонко вы подметили, что я переживаю за племянницу. А ведь я ни слова об

этом не сказала. – Она дождалась, пока я переведу и мисс Мэннинг несколько растеряно ей улыбнётся, и продолжила куда уверенней: – Мисс Мэннинг, только вы можете мне помочь.

– Я? Каким образом? – певица наконец почувствовала неладное и явно занервничала.

– Мне нужен медиум на спиритический сеанс, – прямо бухнула Соболева. – И я уверена, что никто лучше вас с этим не справится.

– Но я никогда подобным не занималась, – запротестовала мисс

Мэннинг. – С чего вы вообще решили, что из меня выйдет медиум?

– Но вы же такая возвышенная, – уверенно отвечала Соболева. – У вас наверняка прямая связь с высшими сферами.

И руки воздела, показывая, куда именно направлен вектор связи. Забавно, но у неё самой при этом был столь вдохновенный вид, что спроси меня, кто из присутствующих более похож на пифию, указала бы на неё. Тем более что в моём представлении пифии как раз такими и были: умудрёнными жизнью, но ещё не старыми и полными сил и желания помогать ближним. Ну или себе, это уж у кого какие желания.

В гостиную вплыла аккуратная молоденькая горничная и тихим заикающимся голосом промямлила, что кушать подано. Кажется, её никто не услышал, кроме Песцова. Вот он встрепенулся и бодро предложил:

– Дамы, а не отужинать ли нам для начала. Кто же разговаривает о столь серьёзных вещах на пустой желудок?

От горки он предусмотрительно не отходил, поэтому внимание привлёк только к своему предложению.

– Действительно. – Мисс Мэннинг подскочила куда быстрее, чем это было положено по её статусу. – Мы же собирались ужинать, не так ли, миссис Соболева?

– Одно другому не мешает, – оптимистично ответила та. – Но вы правы, с моей стороны верх негостеприимности просить вас об услуге, когда я вас даже не пригласила к столу. Пойдёмте же, мисс Мэннинг.

Мы с Песцовым обошлись без приглашения. Я прекрасно понимала, что Соболева всё равно почти сразу пошлёт за переводчиком – не общаться же ей с мисс Мэннинг одними жестами, чтобы донести свою просьбу. Песцов же не менее прекрасно понимал, что не пойдя он сам – Соболева прекрасно обойдётся без его компании и не накормит ужином. Фарфоровые фигурки, которые он закрывал своим увесистым пушистокостным телом, были хороши, но не настолько, чтобы на них любоваться часами.

Я опасалась, что поесть не удастся, слишком плотно Соболева взяла в оборот певицу в гостиную. Если постоянно переводить разговоры, в рот, конечно, можно, что-то положить, но прожевать и проглотить будет сложно,

да и речь при этом окажется невнятной. А платят мне, увы, не за то, чтобы я вовремя ела, пусть питание и входит в договор. Но Соболева оказалась чрезвычайно молчаливой во время еды, весьма обильной и содержащей много разнообразного и вкусного мяса. Хозяйку даже не заинтересовали короткие фразы, которыми перебрасывались мисс Мэннинг и Песцов. Впрочем, я всё равно не стала бы их переводить: слишком личный подтекст там чувствовался, а источником сплетни ещё и здесь я не собиралась становиться. Хватит того, что испортила репутацию Песцову в Ильинске. Причём интересно так испортила, краем захватив свою.

Наконец дело дошло до десерта, в качестве украшения которого

выступило бланманже, оказавшееся, несмотря на красивое загадочное название, обычным молочным желе, в которое пожалели даже сахару в достаточном количестве. Соболеву оно тоже не вдохновило, она вяло

поковыряла ложечкой, цапнула из вазы цукат из груши, ненадолго застряла в нём зубами и брезгливо отложила. Мисс Мэннинг решила не рисковать и ограничилась одним бланманже. Песцов же, поначалу аппетитно захрустевший печеньем, продолжил жевать его уже не с таким энтузиазмом, а надкушенное и вовсе положил на тарелку, явно не собираясь доедать. Уверена: если бы не воспитание, выплюнул бы Песцов пожёванное на тарелку и рот вытер бы. А так давился, но жевал и даже мужественно проглотил. Проверять, насколько велико его мужество, я не решилась и пила чай безо всяких добавок. Похоже, сладкое в этом доме уважали куда меньше мяса.

– Дмитрий Валерьевич, берите конфеты, – предложила Соболева. –

Туровские. Трёх видов. «Утиные носы», «Раковые шейки», «Гусиные лапки». И мисс Мэннинг предложите.

Песцов при перечислении названий заинтересованно дёрнул носом, но потом перевёл взгляд на остатки печенья и вежливо сказал:

– Благодарю вас, Ксения Андреевна, но я не слишком люблю сладкое. И мисс Мэннинг тоже не любит. Более того, ей вредно для голоса. – И по-английски: – Филиппа, я сказал, что вам сладкое вредно для голоса. Не благодарите.

– Всё так плохо?

– Всё я не проверял. Мне печенья хватило. У меня непременно вечером будет изжога, если не чего похуже.

– Хм...

– Что они говорят? – обиженно спросила меня Соболева.

– Господин Песцов передал ваше предложение мисс Мэннинг. Она сказала, что вы очень внимательная хозяйка.

– Я польщена, – Соболева довольно улыбнулась. – А как насчёт моей маленькой просьбы? Дмитрий Валерьевич, попросите вы. Ну пожалуйста, что вам стоит?

Она сделала умильную рожицу, больше приличествующую девочке-подростку, каковой, возможно, себя и чувствовала, но не являлась уже лет сорок, как минимум.

– Филиппа, дорогая, предлагаю пойти навстречу нашей хозяйке и провести этот несчастный спиритический сеанс, – со вздохом сказал

Песцов. – Иначе она на меня смертельно обидится и непременно отомстит каким-нибудь извращённым способом. Вы же не желаете мне зла, дорогая?

– Какой из меня медиум? – чуть кокетливо ответила Филиппа. – Поучаствовать я бы не отказалась...

– Мисс Мэннинг не возражает против участия, но не готова вести сеанс. Придётся вам, Ксения Андреевна, взять на себя эту роль. Предвосхищая ваши возражения – это единственный возможный вариант,

– твёрдо решил Песцов.

Соболевой это не понравилось, поскольку брать на себя ответственность за провал ещё одного сеанса она не хотела. Не знаю уж, с чем было связано её желание показать свою компетентность в столь странном деле, но вопрос для неё был принципиальным.

– Дмитрий Валерьевич, вы не понимаете, о чём просите.

– Ксения Андреевна, я предлагаю попробовать. Если ничего не получится, мы никому не расскажем, – предложил Песцов. – А если вы удачно проведёте, сможете утереть нос всем завистницам.

Соболева задумалась. Взвесила все плюсы и минусы, но решила, что плюсов всё же больше, и чуть смягчилась.

– Искуситель вы, Дмитрий Валерьевич.

– Какой есть, – улыбнулся он обезоруживающе. – Так как, Ксения Андреевна?

Соболева развила бурную деятельность. Чужими руками, разумеется: вызвала горничную и дала указание подготовить всё к спиритическому сеансу в гостиной. Наверняка той это приходилось делать часто, поскольку в столовой она появилась буквально через пару минут с уверениями, что всё сделано в точности.

Песцов радостно подскочил со стула и подал руку мисс Мэннинг. Задерживаться в этом доме больше необходимого минимума он не собирался. Соболева тоже не заставила себя долго ждать и почти побежала в гостиную, возглавив процессию, которую замыкала я. Правда, я попыталась увильнуть, но меня сурово одёрнули заявив, что четыре участника – необходимый минимум.

В гостиной тяжёлые бархатные шторы были сдвинуты так, что сквозь них даже крошечный лучик бы не пробился. Хотя какой сейчас лучик? На улице уже давно темным-темно. Чуть заметная струйка прохладного свежего воздуха показывала, что форточка приоткрыта. Посреди гостиной стоял настоящий спиритический столик с инкрустацией, посреди которого лежало блюдце тонюсенького фарфора, на котором чернела то ли стрелка, то ли трещина. Горели свечи, цвет которых в полумраке было сложно различить, но мне показалось, что они чёрные.

Песцов сидел напротив меня, а мисс Мэннинг – напротив хозяйки гостиной. Все украшения и амулеты, по требованию Соболевой, положили на приготовленный для этого поднос. Даже Песцов с неохотой расстался с часами и перстнем-печаткой. Перстень не был артефактом, обычное украшение, так что скорее всего, был дорог как память или просто дорог.

– Все всё помнят? – вполголоса уточнила хозяйка. – О смерти не спрашивать. Говорить шёпотом. Не сквернословить. Духа не оскорблять. Круг не разрывать.

Я быстро перевела мисс Мэннинг, после чего Соболева, убедившись, что все прониклись важностью мероприятия и касаются блюда, нагрела доньшко и, зловеще возвала:

– Дух, приди.

Почему-то я была уверена, что она будет вызывать конкретного духа. Но, видно, поскольку предыдущие попытки завершились фиаско, Соболева решила, что, если придёт хоть кто-то, это уже будет хорошо.

Пока не приходил никто. Соболева возвала ещё раз. Песцов подавил зевок, пальцы мисс Мэннинг начали ощутимо подрагивать. Мне же было скорее смешно, чем страшно. В бликующих тенях Соболева походила на облезлую ворону, открывающую рот в хриплом карканье:

– Дух, приди.

Внезапно словно порыв ветра прошёлся по комнате, чуть не задув свечи и взъерошив волосы. Мисс Мэннинг тоненько взвизгнула, а Соболева неуверенно сказала:

– Пришёл.

Блюдце, стоявшее ребром, она быстро опустила на стол, прикрывая неосторожно заглянувшего на огонёк духа.

– Дух, ты здесь? – подрагивающим от волнения голосом уточнила она.

Блюдце под нашими руками задвигалось, и мисс Мэннинг опять взвизгнула.

– Тише, – шикнула на неё Соболева. Кажется, она сама до конца не верила в успех. – Дух, кто ты?

Блюдце задвигалось, собрало буквы в слово «Царь» и остановилось.

– Спросите, какой царь, – оживился Песцов и поёрзал на стуле от нетерпения. – Царей было много, не хотелось бы вести дело с кем попало.

– Без вас знаю, – шёпотом огрызнулась Соболева. – Дух, какой

именно ты царь?

«Просто царь», – ответило блюдо.

Соболева выглядела растерянной не то ответом, не то тем, что дух всё-таки ответил. Пока двигалось блюдо, я следила за её руками, подозревая, что это мистификация и я замечу, как Соболева жульничает. Но ничего подобного увидеть не удалось, сама же хозяйка салона выглядела поражённой едва ли не больше остальных. Она облизала губы и тихо сказала:

– Он не хочет раскрывать инкогнито. Не надо настаивать, а то он обидится и не будет отвечать. Что будем спрашивать? Мисс Мэннинг?

Я перевела, и мисс Мэннинг прошептала:

– Спросите, удачно ли пройдут мои гастроли с мистером Песцовым.

На мой перевод Соболева кивнула, показывая, что всё поняла, и важно спросила:

– Царь, просто Царь, удачно ли пройдут гастроли господина Песцова и мисс Мэннинг?

Блюде метнулось сначала к «да», чуть задержалось, потом метнулось к «нет» и застыло между ними, словно не зная, что выбрать.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://author.today/work/114937>